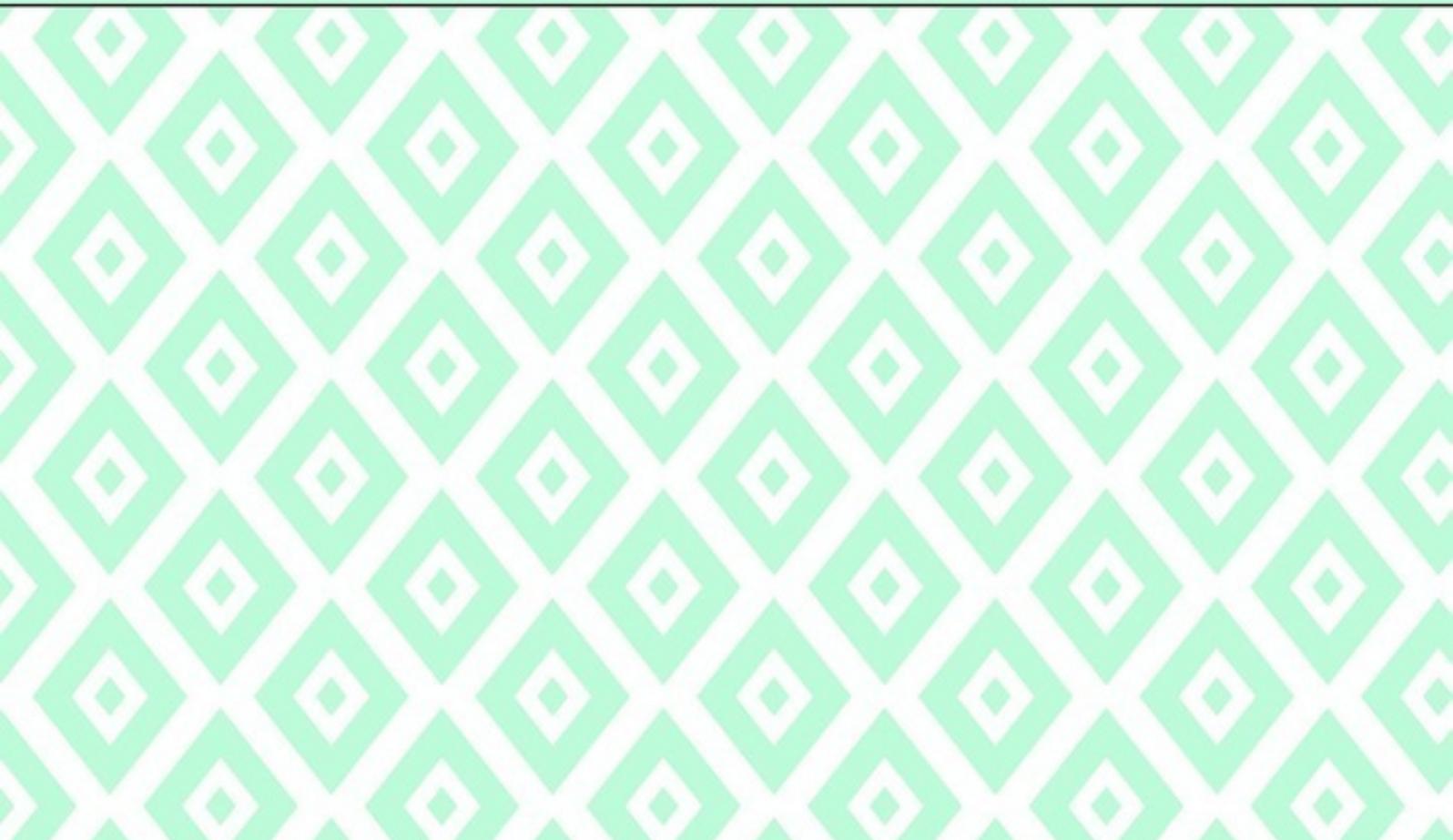

Игорь Ассман

Амнезия. Параллельные

Настоящий, загробный и параллельный
мир — о них эти две повести

Игорь Ассман

Амнезия. Параллельные

«Издательские решения»

Ассман И.

Амнезия. Параллельные / И. Ассман — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837214-8

Амнезия — полуфантастическая повесть о связях двух миров, настоящем и загробном. Параллельные — чистая фантастика, где главный герой появляется по воле судьбы в одном из параллельных миров. Чего только с ним там не происходит!

ISBN 978-5-44-837214-8

© Ассман И.
© Издательские решения

Содержание

Амнезия	6
Глава 1. Знакомство	6
Глава 2. Клиника	9
Глава 3. Монета	12
Глава 4. Открытия	15
Глава 5. Джон Мэрдок	19
Глава 6. Процесс	21
Глава 7. Продолжение	25
Глава 8. Пробуждение	28
Глава 9. Ничего, но много нового	32
Глава 10. Спешка	36
Глава 11. Одно и то же.	39
Глава 12. Дома	42
Глава 13. Втроем	46
Глава 14. Вдвоем	50
Глава 15. Первые шаги	53
Глава 16. Нирвана	56
Глава 17. Мастерская	60
Глава 18. Поиски	65
Глава 19. Мать	68
Глава 20. Жена	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Амнезия. Параллельные Игорь Ассман

© Игорь Ассман, 2017

ISBN 978-5-4483-7214-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Амнезия

Глава 1. Знакомство

На лужайке парка, или лесного массива, весело играли дети. Их искренний неподдельный смех радовал душу. Вообще, парк был великолепен. Могучие кедры открывали поляны для цветущих кустарников. Трава была ярко зеленого, живого, даже мокроватого цвета, как будто ее недавно поливали. На стволе недалеко стоящего дерева появилась маленькая рыженькая белочка. Она без страха спустилась вниз и запрыгала по траве к другому высокому кедру. Парк был без асфальта, только еле заметные тропинки пересекали его в разных направлениях.

Сам день был чудесным, а настроение – отменным. Всем телом и душой овладевали покой и безмятежность. К сожалению, деревья и кусты сужали панораму, но шагах в пятидесяти, на какой-то деревянной скамейке, или просто на бревне сидела женщина лет за пятьдесят. Она смотрела с такой искренней добротой и улыбкой, что казалась она, наконец, встретила своего самого любимого и долгожданного родственника. Даже появилось желание приблизиться к ней и обнять. А еще – упасть на траву, лицом кверху, смотреть на небо и наслаждаться бескрайним покоем.

Такое могло быть, наверное, только в раю. Но никто оттуда не возвращался. А жаль, можно было бы сопоставить...

Неожиданно, женщина, сидевшая на бревне или скамейки, поднялась и, улыбаясь очень медленно пошла ко мне. Я не чувствовал, что ей трудно было идти быстрее, просто она не спешила.

– Привет, – мягко сказала она и опустилась рядом со мной прямо на траву. Только тут я заметил, что до сих пор просто сидел на траве. – Ты – новенький? Как тебя зовут?

– Привет, – вдруг с какой-то необычной легкостью ответил я. Показалось, что еще чуть-чуть, и я вспомню, откуда мы знакомы. Но она же спросила имя? Значит – не знакомы. – Джон, зови меня просто Джон. А тебя? – Джон было первое имя, пришедшее мне в голову.

– Если коротко, то просто Марта. – Женщина не переставала улыбаться. В ее глазах хоть и был интерес, но как будто привычный, без остроты. – Ты навсегда, или на время?

– Что на время? – не понял я. – Где мы?

– В парке, на траве, – удивленно ответила Марта. – Эй, Джон, очнись. У тебя вид, как будто ты упал и ударился головой. – Она рассмеялась. – Теперь вижу, что новенький. На, подстели платок, чтобы не запачкать траву. Твоим брюкам не помешала бы хорошая стирка. – Она подала мне простой широкий кристально белого цвета платок, ослепительной чистоты. – Джон, милый, тебе не кажется, что ей больно?

– Кому? – не понял я.

– Траве. Ты уже задавил ее, не только испачкал. Хотя, она расправится, когда ты встанешь. Идем со мной, сядем на бревно, то, на котором я обычно сижу.

Мне опять стало не по себе. Я действительно примял свежую молодую травку, а брюки были не первой свежести. Вдруг, почувствовав какую-то вину, я неожиданно прошептал: – Извините. – Но она только слегка улыбнулась и пошла.

Мы перешли к так называемому бревну. Это был сам собой высохший ствол какого-то большого дерева, лежащий просто на земле. Усевшись друг возле друга, мне, или Джону, как я уже сам себя называл, стало очень уютно. Я не смотрел на Марту, и, кажется, вообще ни на что не смотрел. Просто наслаждался каким-то внутренним странным покоем. А также почувствовал радость, что кто-то сидит рядом, и что я просто не одинок.

– Значит – временный, – просто и тихо вымолвила Марта. – Я вздрогнул.

– А это как, хорошо или плохо? – неловко вырвалось у меня.

– Никак, – улыбнулась Марта. – Тебе хорошо?

– Очень.

– Вот ты сам и ответил. – Она тоже не смотрела на меня. – Скоро ты уйдешь, я чувствую. Поэтому и временный. Но особо временный, потому что скоро вернешься, и, причем таким же.

– Куда уйду? – Я уже заволновался, – а можно остаться? Наверное, в моем голосе послышалась надежда.

– Можно, но тогда возвращайся на постоянно. Есть хочешь?

Нет, мне не хотелось ничего, кроме как просто сидеть и чувствовать этот блаженный покой. Отрицательно покачивая головой, я тут же поймал себя на мысли, что даже не знаю, и не спрашиваю ни где нахожусь, ни как сюда попал. А что спрашивать, если ты даже не знаешь, как тебя зовут, – подумал я, вспомнив о придуманном имени.

– Хочешь, я покажу тебе этот парк, и, заодно прогуляемся? – абсолютно равнодушно спросила Марта.

– Да, конечно. Спасибо. – Мне страшно хотелось, чтобы она никуда не исчезла, или просто не ушла.

Мы встали и пошли по протоптанным тропинкам. Я быстро заметил, что она ни разу не ступила на траву, и старался сам этого тоже не делать. Наконец мы вышли на площадку, там играли дети, причем самых разных возрастов. Наверное, их голоса я и слышал. Поравнявшись с ними, Марта остановилась и улыбнулась. – Это Джон, – ласково сказала она и повернулась ко мне. – Здравствуй, Джон! – вдруг закричали все дети. Мне стало приятно, и я сразу же ответил с радостью: – Здравствуйте!

Меня поразила их чисто детская радость, не было ни одного хмурого или обиженного лица, а самое главное, их приветствие было невероятно искренним. – Куда же я попал? – опять подумал я. – Радость, покой, искренность и блаженство, вот такой набор чувств меня одолевал от начала и до этого момента. И еще. Везде сквозила какая-то сказочная чистота. Нет, не в отсутствии мусора, а внутри. Себя, и всего окружающего.

Мы прошли немало, когда я, наконец, спросил:

– Сколько уже времени? У меня почему-то куда-то исчезли часы.

– Времени? – вдруг удивилась Марта. – Забудь. Его нет. Вы все спрашиваете одно и то же, то, чего нет.

Я на всякий случай промолчал, хотя понятия не имел, кто такие *мы все*. Тут все было странным. И Марта тоже, как и ее вопросы и ответы. Да, я видел и другие гуляющие парочки, разных возрастов, и одиноких людей. В основном, они были пожилыми, но их явно объединяло одно: на их лицах, у всех без исключения, был отпечаток покоя и блаженства. Рай, да и только!

– Ты, наверное, видишь, что на тебе надето? – продолжала она.

– А ты нет?! – испугался я. На всякий случай я посмотрел на туфли и удостоверился, что и брюки на мне есть.

– Новички, – с веселой и беззлобной ухмылкой заметила Марта. – Я пошутила про твои брюки, что ты запачкал траву. Ты же не обижаешься? – Она весело заглянула мне в глаза.

Я попытался понять, шутит ли она или говорит всерьез.

– По-твоему на мне ничего нет? – Осторожно спросил я ее.

– Ничего. Абсолютно ничего. На тебе не может быть одежды, для нее хотя бы нужно тело, которого у тебя тоже нет. – На этот раз ее голос был, несомненно, серьезен.

– Марта, – я остановился и невольно взял ее за руку. – Прошу тебя, я так больше не могу. Я вообще потерян, не знаю ничего ни о себе, ни о тебе, ни о месте, где мы находимся. –

У меня невольно выступила слеза, и я это почувствовал. – Давай по-честному, я все выдержу, только я должен все знать. Ты – в настоящий момент просто мой ангел.

Марта задумалась. Мне показалось, что и она заметила мою слезинку.

– Джон, ты все равно ничего не поймешь. Притом ты – особо временный, а это – еще сложнее. Да и не нужно тебе это совсем. Если тебе хорошо – наслаждайся. Впитывай покой, только не головой, а сердцем. Поверь, тебе осталось мало, чтобы отсюда уйти, а потом вернуться. Вернуться уже просто временным или постоянным, без слова *особый*, как всегда было, есть и будет. И тогда ты сам все узнаешь.

– Марта, – твердо сказал я, – я хочу узнать это сейчас. Прямо сейчас. – Мой голос затвердел, – просто расскажи по-своему, а понять или нет, это – уже мое дело. Незнание – хуже всего, даже самого страшного. Ну, пожалуйста. – Я почувствовал, как у меня потекли слезы. Я вообще не помнил, когда я плакал последний раз. А тут, какая-то благодать, покой смешанный с таинственностью ее слов, неизвестность, и прочее, просто выдавливали у меня горошину за горошиной. Еще бы чуть-чуть, и я бы разрыдался.

– Джон, милый, давай гулять дальше, а там – посмотрим. И ты посмотри и просто почувствуй, если, конечно сможешь. А я попробую. Просто из-за того, что тебе повезло. Такие как ты, сюда попадают постоянно, но ты – особый, то есть, твой случай немного особенный.

Глава 2. Клиника

Я очнулся от глухого мужского голоса. А еще через закрытые веки пробивался яркий свет. Было абсолютно непонятно, откуда они шли, да и интереса особого не было это знать. Я просто пытался осознать ситуацию.

– Доктор, он очнулся... – голос был непонятен: он прозвучал или с испугом, или с радостью.

– Вижу, – послышался другой тембр, твердый и уже уверенный. – Еще одного смогли забрать с того света. 3 минуты 36 секунд ровно. Так и запишите. – Послышался вздох. – Просто повезло ему. Счастливчик. Приведите его в порядок, и в реанимацию. В операционной мы сделали все, что смогли, даже больше. Если бы все такие случаи решались таким чудесным образом.

Хлопнула дверь, и чьи-то руки прикасались к моей коже, что-то делали, слышался запах каких-то препаратов... Больше я не выдержал и отключился.

Очнулся в небольшой, но светлой палате. Стены были белые, как и потолок, а вот больше голову повернуть не удавалось. Просто по запаху я догадался, где сейчас нахожусь. Больница! Как?! Почему?! Память не возвращалась. Я хорошо помнил чудесный парк, маленькую белочку и удивительно доброжелательную женщину Марту. Потом резко возник в сознании уверенный голос, скорее всего врача. Воспоминания. Но что это 3 минуты, да еще с секундами? Это было странным, и не очень приятным. Парк был намного лучше. Голова закружилась, и я опять куда-то провалился.

– Извините, – разбудил меня новый мужской голос, – вы можете говорить?

Я хотел повернуться в ту сторону и не смог. Зато источник голоса, мужчина в годах, в белом халате, неожиданно возник почти, что надо мной. У него было приятное округлое лицо, довольно милое и внимательное. Рыжеватые волосы, кое-где уже побитые сединой, лоб с морщинами, все, как обычно. Очки с толстыми линзами не позволяли, как следует разглядеть его глаза. Чувствовался какой-то специфический медицинский запах, смешанный с приятным одеколоном. В ответ на вопрос я просто закрыл и открыл глаза, и даже попытался сделать что-то наподобие кивка.

– Да, – прошептал я, удивляясь своему голосу, вернее шепоту. – Да, – повторил еще раз и услышал уже звук. Я обрадовался.

– Ну и молодец, – похвалил мужчину. – Я ваш лечащий врач, меня зовут Стив. Просто так меня и зовите. А вас?

– А меня?! – с ужасом подумал я. – Как-то меня должны звать, но как? – Я просто промолчал, хотя на лбу почувствовал маленькие капельки пота, выступившие из-за напряжения. – Не знаю, – наконец я прервал паузу, – или не помню. – Тембром своего голоса я пытался чистосердечно извиниться.

Мужчина не удивился и никак не отреагировал.

– Не волнуйтесь, – только вымолвил он, – уже десятый день после операционной, начнете потихоньку вспоминать. А я к вам буду заходить. Пока!

Только сейчас я почувствовал, что в мои вены всажены иглы. Я находится под капельницами. И не мог двигаться, вообще. Но как же меня зовут? Какая операция? Кто я вообще такой? Сил не хватило, и я опять вырубился, а очнулся, когда в палате уже начинало потихоньку темнеть. Потолок уже казался светло-серого цвета, как и стены. Вспоминать – было единственным занятием, хотя особых результатов оно не приносило.

Мой лечащий врач, как и обещал, появлялся ежедневно. История с Мартой уже закончилась, все это ушло только в какие-то воспоминания, которые или приходили сами, или я искусственно воссоздавал их по памяти. Их просто нельзя было выбросить из головы.

Время шло, и я уже отвечал на вопросы доктора толково и осознанно, хотя конкретно ответить ему было нечего, я просто ничего не помнил. Джоном я был только с Мартой, а вот кем же я все-таки был здесь?

– Амнезия, – наконец однажды сказал доктор, и спокойно вздохнул. – Я еще и не такое видел, – как бы ободряюще заверил он. – Но хоть медицинскую карту надо же на кого-то оформлять, вы понимаете?

– Доктор, милый, расскажите мне все, что знаете, – я разволновался не на шутку. – Откуда я здесь, что случилось, где я вообще, и кто я, – мой голос дрожал с мольбой. – Может, меня зовут Джон?

– Это вы у меня спрашиваете, или все-таки вспомнили? – напрягся он.

– Мне так просто показалось во сне. – Честно ответил я.

– Хорошо, – он поставил стул и, придвинув его поближе к кровати, сел. – Вас сбила машина. Сбила и уехала. Пока вызывали скорую, у вас украли пиджак, а в нем, наверное, были документы. В рубашке и брюках ничего не было.

– А что такое три минуты и сколько-то там секунд? – вдруг вспомнил я.

– Вы умерли, – он пожал плечами, – ровно на три минуты и тридцать шесть секунд. Но потом вернулись, то есть, вас удалось вернуть. Вам очень повезло, – он смотрел на мою реакцию.

– Вот оно что! – удивился я, хотя когда-то где-то слышал или читал про случаи клинической смерти.

– Ваши отпечатки уже проверила полиция. – Продолжал Стив. – Ваша фотография была показана даже на местном телевидении. Но пока ничего не было. Вы просто – призрак какой-то. Вас никто не ищет, за ваше нахождение в нашей клинике некому платить. Что бы вы предложили мне сделать?

Он сделал паузу. – Ладно, не буду вас терзать, прошлой ночью позвонили и опознали вас, зато не захотели представиться. Теперь мы уже все знаем.

Я закрыл глаза.

– Давайте пока вас называть Джоном, – это лучше, чем никем. Хотя забегая наперед, скажу вам, что это – ваше настоящее имя. Но у меня к вам огромная просьба. Сегодня у вас будут специалисты чисто по амнезии. Постарайтесь, я вас умоляю, ну хоть что-нибудь вспомнить. Кого-нибудь, может ваш дом, друзей, родственников... – В его словах прозвучала глубокая просьба.

– Стив, милый, – я вспомнил его имя, – поверьте, я сделаю все.

– Милый? – он раскрыл рот от удивления.

– Вы очень милы ко мне, – испугался я, сам не зная, откуда вырвалось это слово. Так меня называла только Марта, хотя она почти ко всем обращалась также. – Стив, я вам действительно очень благодарен. Даже уже за одно то, что вы мне хоть что-то рассказали.

– Не за что, – смутился тот, поднялся со стула и вышел.

Действительно, позже ко мне в палату пришли двое: солидный высокий мужчина с маленькой бородкой, похожий на профессора, и девушка, наверное, ассистентка. Они оба устроились на стульях у кровати и начали спрашивать. Причем мужчина старался отдать часть инициативе девушке, Лизе. Она была его ученицей, и я оценил его поведение. Они оба были, на мой взгляд, хорошими людьми. И мой лечащий доктор был таким же. Но в отличие от Марты, чувствовалось, что они делают работу, которую им так, или иначе, надо было делать. И лучшим подарком, какой бы я смог бы им сделать, были лишь мои возможные воспоминания. А их, как таковых и не было. Но вдруг, я неожиданно спросил именно Лизу:

– Извините, от меня, наверное, дурно пахнет. Мое тело уже не мылось много дней. А вы его видите?

Та смутилась и повернулась к профессору.

– Кого его? – спросил тот спокойно.

– Вы видите мое тело? То есть, оно у меня есть? А у вас есть время?

Тут уже смутились оба. А я, почувствовав, что ляпнул что-то не то, и просто покраснел.

– Вы шутите? – удивленно спросила Лиза.

– Извините, конечно, нет. Хотя, наверное, да. Я толком сам не знаю. Поэтому честно и спросил. – Я опустил глаза: мне стало совсем неловко.

– У вас есть тело, и время, и у нас обоих есть часы, – чуть огорченно сказал профессор. – Надеюсь, это не розыгрыш с вашей стороны. Извините, мы с вами уже более двух часов. Не волнуйтесь, мы придем завтра, с еще одним специалистом. Оба встали, но Джон заметил, что уходя, Лиза повернулась, и как-то внимательно на него посмотрела. Он внезапно почувствовал волну доверия к этой девушке, и опять покраснел.

– Спасибо, дорогой Джон, – сказал позже Стив, заглянув в палату. – Завтра у вас будут не только эти двое, но и психиатр. Я не понимал значение его слова *спасибо*. Оно могло звучать как с укоризной, так и с желанием быстрее разобраться со мной, Джоном.

– Стив, мил..., извините, доктор, я сделал, что смог. Не вините меня...

– До завтра, Джон, – ответил тот задумчиво, – пусть здесь соберут хоть международную конференцию, лишь бы был толк. И вас, наконец, выписали бы. – Тут он запнулся. – Извините, вылечили. – Стив вышел.

Глава 3. Монета

– Милый, давай присядем, – вдруг предложила Марта, и первая опустилась на какой-то еще один сухой поваленный ствол, лежащий вдоль тропинки. Я последовал за ней. Сердце мое колотилось, мне казалось, что даже она его слышала.

– Джон, я не должна тебе ничего объяснять, ты сам все узнаешь. То, что я делаю – исключение, как и твой случай. И постарайся смотреть мне, хоть иногда в глаза. – Тон ее голоса был серьезен, как никогда. Я просто застыл во внимании, глядя в ее зрачки. Сердце заколотилось еще сильнее.

– Представь себе монету, – сказала она и вздохнула. – У нее всегда две стороны, ну и ребро, конечно. Одна сторона монеты – грязная, залапанная тысячью пальцев, стертая или затертая до того, что сам рисунок уже плохо виден. Представляешь?

Естественно я кивнул, не убирая взгляда с ее глаз. Они были серьезны и задумчивы.

– Другая сторона – будто бы только что отчеканенная. На ней нет ни царапины, она блестит, каждая буква и циферка видна с идеальной резкостью.

– Марта, не волнуйся, я все представляю, только не знаю, к чему ты ведешь, – заверил ее я, понимая, что она старается, чтобы я что-то понял, что она скажет уже потом. – Я представляю и ребро, хотя монета, стоящая на ребре – редкое явление. И что?

– Представь себе красивый, просто сказочный зал, вымытый и натертый до блеска. Скажи, ты впустил бы в него человека, в грязной одежде и в сапогах, заляпанных грязью? Наверное, нет?

Я, конечно, утвердительно кивнул. В какой-то момент, я вдруг почувствовал, что мою голову чем-то наполняют. Я не просто слышал ее слова, но и чувствовал, что с ними в мою голову мне вливают просто что-то очень умное, и, одновременно, простое, что я должен буду осмыслить потом. – Глаза, – вдруг понял я, – она мне дурманит голову чем-то, чего я просто не знаю, но смогу понять, если захочу.

– Марта, к чему ты клонишь? – не выдержав, спросил я. – Не тяни, пожалуйста. Кто я, где мы? Ты не могла бы просто сказать?

Ее глаза не переставали дурманить мне голову.

– Джон, ты – на ребре этой монеты. Ты залез, дотянулся до него с грязной стороны. И увидел ее другую сторону. Она показалась тебе прекрасной, верно? Как этот парк, и твои чувства.

– Ну, – тупо сказал я, – конечно. Я никуда отсюда не уйду.

– Еще как скоро уйдешь, милый. Тебя не впустят в чистый зал в грязных сапогах. Ты попал на ребро, с грязной стороны, и запачкался. Монета не может долго стоять на ребре, она вот-вот упадет, как и ты на свою старую грязную сторону. Чисто случайно, тебе удалось заглянуть на блестящую сторону, увидеть ее красоту, но упасть тебе придется туда, откуда ты пришел. – Марта внимательно впиалась в меня глазами, пытаюсь увидеть, понял я что-то или нет. Честно говоря, я понимал, то есть представлял, что она говорит, но одновременно ничего конкретно не понимал. Тупая ситуация. Тупым был, скорее всего, я, причем – конкретно.

– А как мне попасть на блестящую сторону? Навсегда в этот парк, в этот мир, или рай? – Я пытался задавать вопросы без философии, ожидая конкретных ответов. – Слушай, а может это – рай? – внезапно пришла мне нелепая мысль и я ее сразу высказал.

– Молодец! – вдруг похвалила меня она, и я, неожиданно вздохнул с облегчением.

– Значит, я умер, и теперь в раю? – добивал ее я.

– Молодец, – повторила она, – только это – не рай, а умер ты только на своей грязной стороне, и то на совсем короткое время. И только твое тело. На блестящей, смерти не суще-

ствует. Но тебя вернут обратно, и очень скоро. Так что просто задавай вопросы, а я постараюсь на них ответить, если успеем.

– Мистика какая-то, – печально сказал я. – Я не хожу ни в церковь, ни в секты. По моему, я тебя не пойму. – Я задумался. – Ну ладно, а как мне проползти по грязной стороне, не запачкав сапоги, чтобы меня пустили в зал, или на блестящую сторону?

– В этом и есть вопрос. Пройти по грязи и не запачкаться. Волшебства не бывает. Надо идти по той стороне, и обходить грязь, оставаясь чистым.

– Как? – уже безнадежно спросил я, скорее всего уже только из вежливости. Я понял, что ничего я толкового не услышу. А все это – просто прекрасный сон. Лучше бы я просто сидел на траве в парке, чем слушать сейчас какую-то нелепицу.

– Джон, милый, у нас очень мало времени. Просто выслушай меня, – в ее словах слышалась мольба, а моя голова уже просто разрывалась от влитых в нее ведер чего-то. – Все люди, имеют почти одинаковую ДНК. Она идеальна, прекрасна и совершенна. Через несколько минут я исчезну, как и этот парк. Запомни:

– всегда решай только сердцем,

– люби всех людей, внутри себя они прекрасны, не хуже и не лучше чем ты, люби и самого себя, даже свое тело,

– люби всех и все, что тебя окружает,

– не навреди никому, даже ветке или камню,

– прощай и проси прощение, будь милосерден,

– делай и давай только то, что бы ты сам хотел получить,

– не суди и...

Все исчезло. Это – последнее, что я услышал тогда от Марты. Все это прокручивалось в голове уже много раз, время просто некуда было девать. В последующие ночи, после того как я очнулся, когда пришел и представился Стив, я уже прокрутил все те воспоминания и остался недоволен. Просто открыв Библию, я прочитал бы, наверное, почти то же самое. Ничего нового Марта мне не сказала. Да и вообще, мне как-то приятно было вспоминать только свои чувства, исходящее от парка, и людей, которых я там встретил. Марта даже мне немного портила впечатление. Хотя слово *ДНК* была явно не из Библии.

Но на следующую ночь воспоминания вернулись сами. Почти ничего нового, кроме того, что откуда-то, наверное, из глубин подсознания, начал появляться какой-то туман, связанный именно с тем, что Марта вливала мне в голову помимо простых и заурядных слов. Как назвать то, что она вливала, я не знал. Но это было что-то сильное. Это я начал осознавать. Туман становился четче и осознанней. Некоторые слова, под его влиянием, начинали иметь какой-то особый смысл.

Процесс усиливался с каждой ночью. Пока не состоялся откровенный разговор со Стивом, где он рассказал, что со мною в действительности случилось. Мой мозг просто встал на дыбы и выдал четкую базовую информацию. Ту ночь я просто не мог уснуть. Эти воспоминания, парк, слова Марты и ее вливания, плюс услышанное от Стива, предположительно показывали следующее. Черная сторона монеты, это та жизнь, в которой я сейчас живу. Особое, временное пребывание с Мартой в парке, это моя клиническая смерть. Хотя тут она была лишь более трех минут, там она длилась неизмеримо дольше. Многочисленные отзывы людей, переживших клиническую смерть, говорили о том, что их душа попадала в какое-то блаженное место, но ее возвращали обратно. Странно, я вспомнил это, насчет клинической смерти, но не мог вспомнить, даже кто я есть в этой жизни. То, что в том парке я чувствовал и блаженство, и покой, походило на слова остальных. Само же место, или места, где они чувствовались так явно, наверное, и были той самой блестящей и сияющей другой стороной монеты. Значит, та сторона монеты есть, если в нее просто действительно поверить. Вопрос Марты и деление на временных и постоянных, походило на деление, кто обратно вернется

на грязную сторону, карабкаясь снова и снова вверх, до ребра, и тех, кого пустят один раз и навсегда в прекрасный и сказочный зал. Но пустят лишь тех, у кого будет все чистое, как изнутри, так и снаружи. А похожие на библейские заповеди слова Марты лишь показывали, как добиться той чистоты в этой грязной жизни. Я же тогда был на ребре. Это как распределительный пункт: кого, когда пошлют и на какую сторону монеты.

– Что-то складывается, – вдруг подумал я, – вот только как в это поверить? Хотя, я был везунчиком, я туда заглянул и увидел. Может сон, а может явь. Другим же и этого было не дано. Им поверить в такое вообще трудно. Ладно, когда меня выпишут, почитаю побольше, а еще лучше поговорить с такими же, как и я, вернувшимися с того света. Хотя, кстати, многие из них, по-моему, резко поменялись, и, причем в лучшую сторону, судя по той же, неизвестно откуда вспомнившейся информации. Поверили?!

Честно говоря, надо было сначала поверить, что умирает тело, но не душа. А потом уже в остальное. Бред какой-то, – заключил я ранним утром, перед тем как сон свалил меня за мертво.

Шли дни и ночи. Тема не только не отпускала меня, а захватывала все больше, а туман стал четким и постоянным. Наконец я решил просто попробовать, это – как игра, не понравилось – бросил. Я начал настраиваться быть чистым, просто хорошим, честным и открытым, как в вопросах, так и в ответах. Даже в мыслях следовал советам, или заповедям Марты. Иногда я ловил себя на мысли, как в этой или другой ситуации поступила бы Марта. Она постепенно вернулась в мои воспоминания и заняла место положительного, просто очень даже хорошего человека. Вот и первый результат: завтра ко мне приведут еще и психиатра. Получи! Ты еще возведи Марту в Святую Деву Марию... А может, я и правда схожу с ума? – Все это крутилось у меня в голове, пока мое тело лежало в кровати, а мозг, вместо того, чтобы вспоминать, кто я есть на самом деле, уводил меня в загадочные коридоры не менее загадочных мыслей.

Глава 4. Открытия

Проснулся я поздно, и сразу стал думать о сегодняшнем предстоящем визите. Он не соизволил себя долго ждать, но привел меня в небольшой шок. Сначала появился Стив, неся два стула. Третий, как всегда, стоял у моей кровати. Потом он исчез и вернулся еще с двумя! Только после этого он поздоровался и с еле уловимым напряжением в голосе, сказал:

– Джон, нас будет пятеро. Не волнуйся, он даже впервые перешел на *ты*, помоги нам, и мы поможем тебе.

В палату уже начали входить люди. Стив даже соизволил представить мне каждого. Лизу я знал, ее профессора тоже, его, оказывается, звали, как и меня, Джон.

– Это известный психиатр, Мартин, – представил он мне добродушного маленького и щупленького старичка. – А это – Эрвин, специалист по регрессивному гипнозу. Надеюсь, я употребляю понятные тебе термины?

Гипноз я знал, а какой он – мне было все равно.

Все пятеро расселись вдоль моей кровати и просто на меня смотрели. Я делал то же самое, ожидая, кто же из них начнет.

– Джон, расскажи, пожалуйста, все, что ты помнишь, – это был Стив. – Не упускай подробностей, сначала и до конца.

Наверное, я бы тоже начал также. Все должны были знать, от чего можно отталкиваться. Но я задумался. Я был готов рассказать все, что угодно, кроме последнего разговора с Мартой. Мне было неловко, ведь она, по моей очень личной просьбе, сделала мне исключение, и не только что-то рассказала, а и заполнила меня странным, сильным и таким загадочным туманом. Я не мог ее подвести, нет. Как только я это понял, я начал свой рассказ. Я говорил спокойно и подробно, не опасаясь за свои слова. Внутренне я доверял этим людям, и хотел, чтобы они мне тоже доверяли, а для этого нужно было рассказать все, каким бы это им не показалось. Я закончил, наверное, через час, утаив только последний разговор с Мартой. Но меня поразило, что за все это время, никто из сидящих рядом, не остановил меня, и просто не помешал. Я был им всем огромно благодарен. Сейчас, пойдут вопросы, но кто из них начнет?

– Джон, – неожиданно сказала Лиза, самая второстепенная по званиям и степеням из всех. – Вы бы согласились, если бы мистер Эрвин провел бы с вами небольшой гипноз? Я думаю, что это не помешало бы никому из присутствующих.

– Молодец, Лиза! – Мысленно восхитился я, – молодая, но что-то в ней есть.

Все одобрительно закивали головами. Я, конечно же, согласился. Терять мне было нечего.

Ко мне, вернее ближе к моей голове, пододвинул свой стул Эрвин, и просто положил мне руку на лоб. Руку я чувствовал, она была прохладной и немного влажной. А вот то, что он мне при этом говорил, я просто пропустил. Уснул. И не знаю, сколько же я так проспал. Открыв глаза, я увидел ту же пятерку, которая о чем-то переговаривалась. На меня никто не смотрел, как будто меня вообще не существовало. Мне стало чуточку обидно, но я начал просто вслушиваться в их разговор. Хотя по их лицам я понял, что разговор уже шел, и, может быть давно. Эрвин мог разбудить меня в любой момент, и я уже многое пропустил.

– Он знает, кто он, вы же сами слышали, – это был Лизин шеф, мой тезка, специалист по амнезии. – Но в настоящий момент только на уровне подсознания. Значит, он вспомнит, со временем, конечно.

– Я тоже так думаю, – кивнул старичок психиатр, – но меня лично интересует не это. Что вы скажете по поводу его видений?

– Бред, сон, иллюзии, связанные с клинической смертью. – Голос моего тезки был абсолютно уверенным.

– А я бы не спешил с выводами, – вдруг улыбнулся психиатр. Разговор начал переходить на диалог между двумя профессорами. Остальные пока молчали. – С научной точки зрения, может вы и правы. Но в последнее время, такого рода видения, их реальность, и вообще, существование души, отделяющейся от тела после смерти, завоевывает очень много сторонников. И среди них есть люди с именами погромче наших. Конечно, я вас понимаю, как медик и ученый, но то, что пока не доказано, не есть бред. В этом наука уже убеждалась не раз.

– Лично я, – вставил Эрвин, – с подобными признаниями встречаюсь уже не в первый раз. – Было непонятно, кого он поддерживает.

Мой тезка как-то грустно посмотрел в мою сторону. Было видно, что во всю эту чертовщину он не верил, и ему было скучно. Для себя, он, наверное, уже поставил мне и диагноз, и я перестал быть ему интересным. Он даже зевнул. Лиза же, наоборот смотрела на меня с неподдельным интересом.

– Лично мое мнение, – вдруг смело сказала она, – что этот случай очень интересен. Тут сама амнезия смешивается с довольно необъяснимыми на сей день явлениями. Необъяснимыми, или просто недоказанными.

– Вот и бери его для своей диссертации, – буркнул ее шеф. – Ты же искала тему.

– Серьезно? – спросила она. – Я бы, честно говоря, с удовольствием.

Тот равнодушно кивнул головой. Мне он уже не нравился, зато к Лизе я почувствовал какую-то теплоту и благодарность. От сердца.

– Так что нам, вернее мне, сейчас делать? – скромно спросил Стив. Он был моим лечащим врачом, и официально, моя судьба находилась только в его руках. Вероятно, он тоже почувствовал равнодушие профессора Джона.

– Вся информация у вас есть, мы ее уже тоже прочитали, – сказал мой тезка. – Начните выдавать ее ему, и он, хочет того или нет, все вспомнит. Вернее, он ее и так знает, просто переместит из подсознания в сознание.

– Извините, коллега, – вмешался психиатр, – позвольте мне с вами не согласиться, – его глаза заискрились. – Такую личную информацию надо выдавать очень осторожно, аккуратно и не спеша. Иначе, у него запросто может быть шок, и из вашего пациента он превратится уже чисто в моего. То есть, вместо одного диагноза, у него уже будет два, не говоря обо всех физических последствиях, связанных с травмами после того, как его сбила машина.

У меня голова пошла кругом. Они разговаривали обо мне, как будто знали меня много лет. Я же, не знал о себе абсолютно ничего.

– Мои дорогие, – вырвалось у меня, – вы не могли бы хоть чуть-чуть ввести меня в курс дела. Какая информация? Откуда? Я же имею право ее знать?

– Не волнуйтесь, Джон, – спокойно сказал старичок психиатр. – Вы ее узнаете, только постепенно. Зачем вам себя же травмировать? Как психиатр, будучи здесь и сейчас, изучив ваше дело, я могу вам ответить в той полноте, какую считаю для вас безопасной. Вы не против, коллеги? – оглядел он присутствующих.

– С вашего позволения, я пойду, – заявил профессор Джон. – У меня действительно мало времени. Лиза, если хочешь – оставайся. А если ты это серьезно, насчет диссертации, то мое добро ты, считай, уже получила. Хотя я бы посоветовал бы тебе еще раз все обдумать. – Он встал, и, попрощавшись со всеми, без каких либо эмоций вышел из палаты. Лиза осталась, и у меня камень упал с сердца. Как я ей был благодарен в этот момент!

– Профессор, – попросил Стив старичка, – я с вами абсолютно согласен, и полностью доверяю вашему опыту. Не могли бы вы сейчас и выдать моему пациенту то, что он может знать уже сейчас, без вреда и риска для своей психики?

Я благодарил в душе Стива, даже обнимал его. – Пожалуйста, – сказал я, вернее попросил вслух, профессора. Тот просто улыбнулся, но обратился к Лизе.

– Девушка, если вы им займетесь, я гарантирую вам свою помощь. Поверьте, случай, действительно интересен. А для диссертации – это просто находка, тем более что разрешение вы уже получили. Нет, я не ставлю под сомнения слова и мнение вашего шефа, хотя и не могу во всем с ним согласиться. У меня тоже нет времени им заниматься, а вот вы – решайтесь. Мой кабинет и мой телефон всегда к вашим услугам. Любой вопрос, касательно психиатрии в этом случае, получит мой личный ответ.

– Спасибо, профессор, – Лиза прямо воспрянула духом. Видимо отсутствие интереса ее шефа ко мне вызывало еще ее сомнения. – Да, я возьму его.

– Спасибо, – вдруг промолвил я, – мои глаза просто светились. Я чувствовал себя вещью, которая хоть кому-то стала действительно интересна.

– Джон, – вставил профессор, – вас сбила машина...

– Я это уже ему сказал, – вставил Стив, – но не более.

– У вас – куча переломов, серьезная черепно-мозговая травма, вам удалили одну почку и легкое. И еще куча всего. Но вам просто сказочно повезло. Вы умерли, но ожили. И у вас не сломан позвоночник. – Он передохнул. – Постарайтесь думать только о хорошем, стирайте из памяти все плохое. Вы живы, к вам вернется память, вы будете ходить. Кстати, – обратился он к Стиву, – когда, примерно, его выпишут, если все будет гладко?

– Месяцев через шесть, – подумав, ответил тот. – Но гладко не будет, ему нужна повторная операция на ногу, одна кость срастается неправильно. – Тут он вдруг испугался. Это была не очень хорошая информация, и он виновато посмотрел на старичка.

Тот сделал вид, что ничего не заметил и продолжал, обращаясь ко мне:

– У вас есть дом, семья, свой бизнес, довольно таки успешный, хорошие деньги в банке. Вы счастливы!

Я ему не поверил, насчет счастливого, но был уже благодарен за новости. Я понял, что мне будет выдаваться только положительная информация, а вот отрицательная, ее не может не быть, будет предоставляться мизерными порциями и с особым вниманием. А я хотел знать все и сейчас.

– Доктор, – обратился я к нему, – я уже не мальчик, добавьте, пожалуйста, что-нибудь из негатива, он должен быть в моем возрасте. Ну, хоть что-то. – Я уже просто молил его. – И откуда у вас вся эта информация?

– Джон, – Стив явно давал старичку передохнуть, – вас сбила машина, ее не нашли, возбуждено уголовное дело. Вы пока не видели Полицию только потому, что мы к вам их не пускаем. Что вы можете им сказать, если не помните даже своего имени? Но они работают, и накопили на вас все, что можно. Это – целое дело, но вам его не дадут читать. Просто, из чисто медицинских интересов, для охраны вашей психики. По-крайней мере сейчас.

– Что, так много негатива? – спросил я, уже чувствуя, что и сам это знаю.

– Джон, – профессор опять взял разговор в свои руки, – вы никого никогда не убили, вас никогда не приводили в полицию, поэтому там нет ваших отпечатков. Но негатив, который вы хотите услышать, это ваш характер. По-крайней мере, все не очень хорошо о нем отзываются. Это все, что вы можете знать на данный момент. Конечно, ваши обычные данные вы узнаете позже, от Стива, и, надеюсь, от Лизы тоже. Это – в ваших интересах, поверьте мне. – Он встал. – А сейчас, мне тоже надо бежать. Лиза и Стив, вот моя визитка, всегда к вашим услугам. Поправляйтесь, и я обязательно вас еще навещу, и не раз, – это было уже сказано мне.

Старичок испарился также быстро, как и его коллега Джон. Занятыми оставались только два стула.

– Стив, мне тоже надо идти, – поднялась Лиза. – Джон, с завтрашнего дня я буду с вами, обещаю. Сегодня отдыхайте. Я представляю, что у вас делается в голове. – Немного виновато сказала она на прощанье и тоже ушла.

– Джон, – встал и Стив, – все будет хорошо, вы должны в это верить. Профессор прав, у вас все будет хорошо. Плохое уже позади. К тому же, с нами еще и Лиза. Отдыхайте, я вас потом навещу.

– Спасибо, – выдавил я, – огромное вам, то есть тебе, человеческое спасибо, Стив. Сколько я буду жить после того, как покину вашу клинику, а?

– Джон, не задавай глупых вопросов, по крайней мере, мне. Спроси и ответь себе сам, если знаешь. – Вопрос ему явно не понравился.

Он встал, и, забыв про все оставленные стулья, пошел к выходу, не заметив, как из моих глаз водопадом полились слезы.

Глава 5. Джон Мэрдок

Через полчаса моя подушка, как и лицо, были мокрыми, просто залитыми слезами. Я не знал, почему я рыдаю, ведь это уже был не просто плач. Наверное, сказалось такое нервное напряжение, а может быть, я просто к тому же узнал, и понял, что по-настоящему здорового тела у меня уже нет, и никогда не будет. Что тут и говорить, сколько я еще проживу.... Мой вопрос был глупее глупого, и я пожалел, что его задал.

Значит, у меня все хорошо по экономической части, и все плохо с характером. Что ж, бывает и хуже. В голове уже зрели вопросы, которые я сразу задам Стиву или Лизе, как только кто-нибудь из них появится в моей палате. Но я понимал, что хоть десять процентов, полученных ответов будет для меня большой удачей. Слезы потекли опять, мне стало жутко себя жалко.

– Марта, – вдруг сказал я сам себе, – ты была права. Я грязен и мне – не место в сказочном зале. Но если у меня есть впереди хоть пяток лет, – я поверю тебе. Мне просто больше ничего не остается. Здоровье уже не вернешь, а вот характер.... Неужели он у меня такой дурной, что все, кто меня знали, заявили это в один голос? Марта, милая, не уходи из моей памяти. Ты мне будешь очень нужна. И не дай рассеяться тому туману, которым ты так сильно обволокла мой разум. – Я почувствовал, как постепенно засыпаю, и расслабился.

Открыв глаза, я заметил серый отпечаток на потолке, значит, уже был вечер. Стив заглянул позже, когда уже смеркалось. Мне показалось, что он заметил мои немного припухшие от слез глаза и все понял.

– Давай, Джон, спрашивай, – сказал он, усевшись рядом. – Я знаю о тебе больше, чем ты сам, и знаю, что ты приготовил мне кучу вопросов. Просто, я бы поступил точно также, будучи на твоём месте.

Я опять мысленно поблагодарил его, и просто начал забрасывать вопросами. Я был прав, мы просидели около часа, а ответов было мало. Да и те, которые удавалось получать, были только положительными.

– Эх, Стив, – подумал я, когда он, наконец, ушел, забрав с собой только два стула, – дружище ты мой. Отсутствие информации это – тоже информация. Я пока ничего не вспомнил, но это не значит, что мой мозг полностью атрофирован.

Значит так. Меня звали Джон Мэрдок. Я с отличием окончил Университет по специальности инженер-автомеханик. Мне 46 лет, и сейчас 2012-ый год. Лето. У меня хороший дом в этом же городе, и своя большая автомастерская. Большая сумма на счету, значит, мой бизнес построен отлично. Есть жена, мать, двое детей и даже внук, еще в пеленках. Наверное, это были все ответы на мои вопросы. Не густо, но....

Отсутствие ответов на вопрос, где, что и как со всеми моими родными, и почему никто из них, после того как их нашла полиция, так и не появился в больнице говорило о многом. Никто из них со мной явно не живет. Почему? Ответ был чисто интуитивный: они все от меня ушли, и никто из них не хочет меня видеть. Значит, я живу один. А может я от всех сбежал? К этому душа почему-то не лежала. Скорее всего, виноват был мой характер, даже психиатр вынужден был мне об этом сообщить. Честно говоря, за все время моего сознательного нахождения в больнице, как и на том свете, мне ни на одну минуту не показалось, что у меня плохой характер. Наоборот, чувства признательности, благодарности и тому подобные, просто не покидали меня. А уже то, что я плакал, говорило о моей ранимости и чувствительности. Никакой агрессии, злобы или ненависти, об этом не было и речи. Да, мне не понравился профессор Джон, но я сразу же о нем позабыл. Да, в какой-то момент я посчитал Марту обычной болтушкой, но сам же вскоре возвел ее, чуть ли не в святые. Чем же был так плох мой характер, что ни одна живая душа меня не навестила? Он должен быть не плох, а про-

сто ужасно отвратителен, даже грязен. Наверное, то же самое объясняло, что ни одна живая душа, даже из моей мастерской, не говоря о друзьях и знакомых, не удосужилась хотя бы позвонить, опознав меня по телевидению, или после посещения полицией, которая явно рассказала, что со мной и где я. Боже, я должен быть каким-то монстром!!! Хотя, кто-то позвонил, но не пожелал представиться. Значит, была одна душа, которая согласилась мне помочь. Кто же это?

– Марта, милая, – я поймал себя на мысли, что разговариваю с ней вслух, – помоги мне. Дай мне силы выстирать до белизны мой характер. Ведь он – ужасен, или был таким, правда?

Марта мне отвечала, ласково и доброжелательно, и у нас завязался такой нужный мне в этот момент разговор, до тех пор, пока я не понял: или я действительно сошел с ума, или я сам себе отвечаю. Стало страшно, но вдруг я вспомнил ее слова, и, приложив все усилия, постарался отключить свой мозг и думать сердцем. Это было страшно трудно, наверное, у меня ничего не получилось, но откуда-то появилась мысль, что ответы идут не от Марты, и не от меня самого, а от того тумана, который я старательно удерживал у себя в голове. Я постарался вспомнить во всех деталях и прочувствовать тот момент, когда я начал получать что-то из ее глаз, нечто простое, но мудрое, концентрированное и в большом избытке. Тогда я еще подумал, что она делала это не просто так, и когда-нибудь мне это пригодится. Вздохнув с облегчением, что я еще не окончательно свихнулся, я продолжил беседу. Туман изливал на меня ведра доброты, если можно было так сказать. Он поддерживал, ободрял, да и просто очищал мою душу. Мне становилось легко и уютно, вера в Марту росла на глазах. Вернее, не в нее лично, а в суть ее последних слов. – Джон, будь добрым, ко всем, – говорил туман, – и все станут добрее к тебе. Извини всех, и извинись перед всеми, и ты увидишь, какая гора спадет у тебя с плеч. Делай только хорошее, чего бы тебе это не стоило, не смей запачкать себя даже простой плохой мыслью. Ты знаешь, что тебе осталось немного, до того момента, когда ты опять залезешь на ребро монеты. Что тебе терять? Изменись, отмой всю свою грязь, заберись на ребро в чистой одежде и с чистым сердцем. И тогда тебя пустят в зал. Монета упадет, но ты упадешь уже на ее прекрасную блестящую сторону.

– Надо быть дураком, чтобы этого не понять, – наконец я высказался вслух. Это прозвучало как приговор. Путь назад, как таковой, был окончательно обрезан. Я знал, что делать, но пока не знал как. Но уже одного этого было достаточно. Часть тумана медленно перемещалась из головы в район сердца, да так, что дух захватывало. Процесс не прекращался до тех пор, пока я просто не уснул, а может он продолжался и во сне, лично я бы этому не удивился.

Глава 6. Процесс

Проснулся я раньше обычного, и просто смотрел в потолок. Что-то произошло с моим сердцем, я не мог этого не почувствовать. Оно, как никогда, пыталось взять все мысли под свой контроль. Разум сопротивлялся, пока я сознательно не приказал ему успокоиться. – Ты правил всем всю мою жизнь, – подумал я, – уступи же место сердцу. Нет, ты не уволен и не выброшен на помойку. Ты мне очень важен, ведь ты меня охраняешь. Отдохни. Ты заслужил этот отдых. Дай поработать сердцу, ведь оно так этого хочет. Видимо, пока ты работал, оно просто перекачивало через себя кровь, ничем при этом себя не утомляя, и не неся никакой ответственности. Сейчас пришел его час, разве ты не видишь, что оно само этого хочет?

Мозг начал постепенно расслабляться, зато сердце застучало с такой силой, что я испугался за возможный инфаркт. Пока я, таким образом, мысленно перераспределял обязанности, дверь открылась, и я почувствовал, что это был не Стив. Я даже удивился, как это мне удалось вот просто так почувствовать и не ошибиться. Действительно, раздался спокойный голос Лизы:

– Доброе утро, Джон. Мы же с тобой на *ты*?

– Молодец, – похвалил я и сердце, и Лизу одновременно, правда, не вслух. – Доброе утро, Лиза!

Она подошла и села на стул.

– Ты не нагнешься надо мной, чтобы я просто смог тебя увидеть? – почему-то попросил я. Она нагнулась и непринужденно посмотрела мне в глаза. Я разглядел симпатичное молодое лицо, но больше всего мне запомнились ее умные глаза. Наверное, ей было под тридцать. И от нее шло какое-то хорошее чувство.

– Милая, – вымолвил я, – спасибо за то, что ты пришла.

– Джон, – в ее голосе я уловил нотку недовольства, – я ведь не на свидание пришла.

Наверное, я сильно покраснел.

– Лиза, что ты! – я уже не хвалил, а корил свое сердце и язык, – никогда так не думай. Да я... да ты просто не знаешь, как для меня важна... нет, просто бесценна твоя помощь... К тому же, там все так друг другу говорили, и было просто приятно... И милый, и дорогой, и ... – Я почувствовал, что запинаясь, и вообще, запутался окончательно.

– Там это где? На том свете? – ее голос поменялся, и в нем прозвучали привычные нотки.

– Именно! – подхватил я. – Сначала я и Стиву ляпнул то же самое, можешь его спросить. Он среагировал очень похоже, но я не хотел, у меня это просто вырывается. Ты мне веришь?

– Верю, Джон. Извини. Просто нам надо время, чтобы привыкнуть друг к другу.

– Нет, мил..., то есть Лиза, это ты меня извини. Я буду стараться. Спасибо тебе огромное.

– Нет, это мне надо к тебе привыкать. Веди себя естественно, и говори, что хочешь. – Я уже почувствовал в ее словах искреннюю просьбу, но решил усилить над собой контроль.

– Джон, я как специалист по амнезии, хочу построить наши отношения не так, как ты этого ждешь. Отношения в смысле бесед и разговоров. – Я почувствовал ее пристальный взгляд, она явно ожидала моей реакции.

– А как же я жду?

– Так, как ты вчера услышал. Что я тебе буду подкидывать информацию, с надеждой, что ты что-то вспомнишь. – Она была права, понял я.

– Ну и как же? – спросил я.

– Ты мне будешь рассказывать, а за это я буду подкидывать тебе информацию.

Меня это заинтересовало. Что я ей могу рассказать, если она знает обо мне, наверное, абсолютно все, из полицейского дела, а я – только то, что успел услышать от других: какие-то крохи, хотя и немаловажные. Вместо этого, мой язык выдал совсем другую фразу:

– Лиза, мне надо видеть твои глаза. Просто поверь мне, пожалуйста. Ты не можешь как-то повернуть мою голову в твою сторону, хоть чуть-чуть? Или как-то сесть, чтобы я мог тебя видеть, но и чтобы тебе было удобно?

– Голову твою повернуть я не могу никак, она в гипсе. А вот чтобы чувствовать себя удобно, мне надо сесть на краешек твоей кровати, чтобы ты меня видел хоть краем глаз. Как ты представляешь реакцию того же Стива, когда он застанет такую сцену? – в ее голосе я почувствовал интерес.

– А разве это важно? Разве то, что нам обоим будет удобно, не есть важнее, чем кто-то что-то подумает? – я почему-то ее не понимал. – Разве тебе не хочется, как и мне, быстрее добиться хоть каких-то результатов?

– Логично, – задумалась она, – и от сердца. Хорошо, Джон, я так и сделаю.

– Спасибо, – просто сказал я, действительно увидев ее лицо, хотя приходилось косить глаза. – Привыкну, – это я уже сказал самому себе. Я почувствовал, что у нас что-то идет не так, как я ожидал. Может, я представлял нашу первую личную встречу как ту, с Мартой? Когда она сразу направилась ко мне, и я почувствовал, что знаю ее уже давно. С Лизой получилось как-то сухо, и мне стало грустно.

– Джон, ты прав, нам обоим нужен результат, – ее глаза говорили правду. – Мы должны доверять друг другу, и вести себя так, как нам того хочется. И говорить то, что хочет сердце, а не мозг. Что ты скажешь?

Что я мог сказать? Если бы я смог, я бы поднял *за* обе руки. Но мои глаза потеплели, я это просто почувствовал. Но задумалась, почему-то уже она.

– Твое дело не просто для меня интересно, – наконец сказала она, – оно будет гораздо интереснее, чем я этого ожидаю. Почему мне так кажется, Джон?

– Не знаю, – чистосердечно прошептал я. – Я вообще не знаю, что ты нашла во мне интересного. Ни одна знакомая душа, зная, что я здесь, не объявилась. И твой шеф про меня уже давно забыл.

– Это тоже делает интересным поворот в твоём деле. Но не главный. – Она вдруг впи-лась взглядом прямо в мои глаза, для этого, ей надо было нагнуться надо мной, и она это сделала.

– Ты – или классный психолог, чего не скажешь из твоего дела, или твое дело – не твое. Вот что особенно интересно. Конечно, я тебя знаю совсем немного, но я хоть и не профессор, но случаев амнезии, и сопутствующих, в том числе и психических расстройств, я повидала немало, уж поверь мне. И чувствам своим я всегда доверяю. Как мне тебя понимать?

Ее вопросы начинали ставить меня в тупик. Я просто не знал ответов.

– Лиза, – на всякий случай заверил я ее, – я тебе верю, и доверяю. Просто от чистого сердца. Но я не понимаю, что я должен ответить...

– Да, конечно, – произнесла она, наверное, для себя, но получилось вслух. – Ты не читал свое дело, а я его уже успела изучить. Все – не то. – Тут она переключилась на меня. – Джон, милый, тот, кого описывает дело, и тот, с кем я сейчас разговариваю и чувствую своим сердцем, – абсолютно разные люди.

Слово *милый* вдруг смягчило меня, и вместо Лизы я уже видел Марту. Мне стоило сил переключиться обратно. Но я не понял, что я должен был ей сейчас сказать. Причем дела своего я не читал. И со стороны я себя тоже не видел.

– Ладно, – Лиза вернулась на место, – давай начнем, а там будет видно. Извини, что я на тебя наехала. Просто, здесь есть какая-то загадка. И поверь мне, я сделаю все, чтобы

ее разгадать. Ты просто меня не знаешь. Что ты можешь сказать о своей матери? – вдруг прозвучал вопрос. Меня покорило.

– Лиза, почему ты мне не веришь, что я ничего не помню? – Мне стало обидно. – Я только от Стива вчера узнал, что моя мать жива. Для меня это была радостная новость, не более того. Я даже не знаю, как ее зовут.

– Я тебе верю, Джон. Иначе, я бы тут уже давно не сидела бы, и вообще бы не пришла. Но пока ты хоть что-то не вспомнишь про мать, я не скажу тебе ни единого слова. – Я увидел, что ее глаза не шутили. – Конечно, я помогу тебе, – неожиданно для себя я уловил в ее голосе какое-то сочувствие. Это меняло дело, я готов был разбиться, но чем-то ей ответить.

– Расслабься и закрой глаза, – продолжала она. – Отключи мозги, если получится, или попытайся это сделать. Говори мысленно слово *мать*, старайся что-то почувствовать сердцем, может что-то увидеть. И сразу мне говори. – Она замолчала. – Ну, пожалуйста, Джон.

Я просто кивнул. Задание было не из легких, но я понял, что сделаю все. Глаза я закрыл, и попытался что-то почувствовать. Было темно, а сердце просто учащенно билось, наверное, оно старалось изо всех сил. Неожиданно я увидел Марту.

– Я вижу Марту, – прошептал я.

– Что она тебе говорит или делает? – прозвучал откуда-то вопрос.

– Ее губы двигаются, но я ее не слышу.

– Отключи ее, и повторяй слово *мать*.

Хорошо сказать, да трудно сделать. Марта не исчезала. Я попытался услышать или почувствовать, что она мне повторяла. Ничего не получалось. Мне стало обидно, но я продолжал. Наконец, я понял.

– Не могу ее отключить. Она мне говорит слово *мать*, повторяя его без остановки.

– Что ты чувствуешь?

– Что-то темное, наверное, плохое, – губы вымолвили это раньше, чем я сам это осознал.

– Плохое, или темное идет от нее к тебе, или от тебя к ней?

– И то, и другое одновременно. – Кто-то говорил за меня, но я это четко видел.

– Всматривайся в темноту, там что-то есть. Что?

– Кровать, – мой голос прозвучал неуверенно, и вдруг я почувствовал, что заплакал. –

Там сидит какая-то женщина, и плачет. Напротив нее – мальчик, он тоже плачет.

– Мама!!! – неожиданно заорал я, и потерял сознание.

Когда я открыл глаза, надо собой я увидел лицо Стива.

– Джон, ты в порядке? Ты знаешь, где ты сейчас?

– Привет, Стив, – удивился я. – А что может быть не в порядке? Я здесь, где и всегда. Или ты подумал, что я сбежал?

Он только облегченно вздохнул. Я почувствовал острый запах каких-то медикаментов. В палату вошла Лиза, я ее сразу же почувствовал. И тут же вспомнил кошмар. На какой-то затертой кровати сидела моя мать и плакала. Я, еще маленький, лет пяти-семи, стоял напротив и тоже плакал.

– У него наворачиваются слезы, – услышал я голос Стива. Но обращен он был, скорее всего, к Лизе. – Что сказал профессор?

– Привести в чувство. И постараться дожать. Если удастся, дальше пойдет все гораздо легче. Если нет, вколоть успокоительное и пусть спит.

– Ты уверена, что сможешь?

– Попытаюсь. Но дай мне на всякий случай шприц. Тот укол уже прошел, он очнулся. И пожалуйста, выйди. При тебе ничего не получится. – В ее голосе звучала искренняя просьба.

Я почувствовал, как кто-то стирает слезы с моих глаз кусочком бинта, и увидел лицо Лизы. Оно было спокойным, но сквозь нее проглядывала та же старая кровать, моя мама и я. Я не знал, кого я вижу наяву.

– Милый, – прошептала Лиза, – какой ты молодец! Ты смог, представляешь?! Не плач, это просто сон.

– Она опять напилась, – услышал я свой голос, – пять минут назад она пыталась меня ударить, а теперь плачет. Она просит у меня прощение. И умоляет не уходить, то есть не бросать ее. Бич, так ее зовут. По крайней мере, так ее звали те мужики, которых она приводила. Так ее звал и я.

– Молодец, Джон, молодец. Только не думай, что все это правда. Это – простой сон, не хороший, но сон. Когда ты проснешься, он забудется.

– Это не сон, так происходит каждый день. Она – простая сучка. Проститутка, безвольная тряпка. Она даже не знает, с кем меня нагуляла. – Я не узнавал свой голос, но явно его слышал. – Если бы не я, она бы уже давно сдохла. Меня уже тошнит вытягивать ее каждый день. Лучше бы она сдохла, нам обоим было бы легче. – Мой голос был пронизан злобой и ненавистью. Я не верил, что это говорил я. Неожиданно почувствовав укол, все поплыло перед глазами. Картинка сузилась и пропала.

Глава 7. Продолжение

Я очнулся, и почувствовал, что Лиза сидит рядом. Она сразу поднялась со стула и села на край моей кровати. Ее глаза впились в мое лицо.

– Что, Лиза? Почему ты на меня так смотришь? – я испугался.

– Джон, ты помнишь, кем была твоя мать?

Да, я вспомнил, и мне стало грустно.

– Она была слабой женщиной, – тихо сказал я, – пила и гуляла. Отца не было, единственной опорой был я. Бедная, мне так жаль ее.

– А мне – тебя, милый. Ты не виноват, что она была такая. А она не виновата в том, что ты ее бросил.

– Я ее бросил?! – меня кинуло в пот. – Я не мог этого сделать. Я любил ее. Скажи, что это неправда! – взмолился я.

Лиза потупила глаза.

– Джон, ты уверен, что хочешь знать правду, какую ни есть, но правду?

– Да, милая, да, да, – меня заклинило и колотило.

– Тогда успокойся. – Попросила она. – Ты сделал огромное дело, а я всегда выполняю свои обещания. Вот, посмотри, – она показала мне маленькую магнитофонную кассету, – ты не представляешь, что мне стоило достать ее из полиции и сделать копию. Но она вот, в моих руках. Я пойду на риск, если включу ее сейчас тебе. Но то, что ты сделал, стоит этого. Хотя, честно говоря, я боюсь. – В ее словах звучала неподдельная искренность.

– Включай, – прошептал я, – я чувствую, что ты нашла какую-то разгадку. И я тоже хочу ее знать. Не сомневайся.

Щелкнула кнопка.

– Извините, мы из полиции, – услышал я женский голос, – мы по поводу вашего сына, Джона.

– Кого??? – пожилой женский голос с явной хрипотой звучал с явным недоверием. – Джона? А разве он еще не сдох?

– Извините, он попал в аварию, и мы расследуем это дело. Что вы можете о нем рассказать? Я прошу вас, вы очень поможете следствию. Он находится в тяжелом состоянии, в госпитале Святой Елены...

– Да хоть в гробу, – хриплый голос рассмеялся. – Да, он мой сын, но я не хочу даже слышать о нем. Я никогда не прошу ему, что он сделал. И я никогда не видела его с того момента, когда он в шесть лет бросил меня. Что вы от меня сейчас хотите?

– Пожалуйста, расскажите, что произошло, перед тем, как вы его видели в последний раз.

– Даже и не просите. При одном упоминании о его имени меня тошнит.

– Я прошу вас от имени следствия. Мы приехали сюда не ради любопытства, и, надеюсь, вы понимаете, что нам стоило вас разыскать.

– А что меня искать? – удивился хриплый голос. – Я всегда здесь, в этом квартале. Слава богу, здесь меня все знают и ценят. А то, что я сплю под открытым небом – просто рай, после того, что сделал мой сын.

– Простите, но я вас прошу нам рассказать, что тогда произошло.

– Да ладно. Конечно, у меня нет адреса, но вы-то меня нашли. Расскажу, хотя придется сегодня выпить. Эти воспоминания не даются мне даром.

– Спасибо вам. Не волнуйтесь, мы уедем, и у вас не будет никаких проблем.

– Мы тогда жили в деревянном сарайчике, три на четыре. Ютились, но зато ничего не платили. Конечно, я была не святая, и никогда уже ей не буду. Пила, гуляла, и нагуляла.

Джона. С ним мы и жили. Что было делать, водила мужиков, те хоть еду приносили. Ну и выпивка перепадала.

– Извините, Джон рос с вами? У него была отдельная комната?

– Какая там комната, я же сказала, сарай три на четыре. Туалет на улице. Под березой. Да не смотрите на меня так, сама знаю, что творила. Стыдно. Джон был моей единственной опорой, только из-за него нас не выгоняли. Да, я любила его, но он оказался паскудой. В шесть лет он взял и ушел. Он знал, что я без него – ничто, но ушел все равно. И никогда, слышите, никогда не вернулся. Я тогда напилась, и пошла его искать. Где там. Зато меня неделю имели мужики со всего района. Наливали, и прямо на тротуаре имели. Очередь. Человек тридцать, не меньше. Порвали все. А заступиться было некому. Давали жрать, просто запихивали гнилую картошку в рот, и здесь же имели. Я чудом не сдохла, просто чуть не истекла кровью. До сих пор мочиться больно. Да видимо не судьба была помереть. Кто-то позвонил в скорую и меня забрали. Как видите – живая. Можете не верить, но даже после больницы искала его. Сарай остался пустым и его сразу же забрали. Сейчас, узнав, что он жив, я просто ненавижу его, можете ему так и сказать. Тогда я иногда думала, может погиб где, раз не возвращается. Если вдруг его увижу, то удавлю собственными руками. Так что, пусть, лучше сдохнет сам, в этой самой Святой Елене. Паскудина!

Кнопка щелкнула опять. Я находился в оцепенении и даже не замечал, что у меня текут слезы, а Лиза старательно их вытирала. Прошло минут десять, пока услышанное как-то расположилось в голове, хотя хаос стоял полный.

– Лиза, милая, дорогая, это – неправда, я не мог этого сделать. – Я не узнавал свой голос, и неудивительно. Говорить и всхлипывать одновременно, было очень трудно. – Ты же знаешь меня!!!

– Джон, милый, ты в порядке? Забудь. Это было давно. Извини, что я тебе включила пленку. – Лиза виновато смотрела в мои мокрые глаза.

– Это – неправда, – повторил я. – Я бы не смог так поступить. Да я бы и голос на нее не повысил бы. Нет, это все – полицейские штучки.

– Это правда, Джон, – уверенно сказала Лиза, – просто ты должен все это забыть. Ты не виноват. Что можно ожидать от шестилетнего ребенка?

– Почему ты веришь этой пленке, и не веришь мне? – мне стало обидно до слез, и их поток удвоился.

– Джон, мы уже прошли самое трудное. Дальше будет уже легче. Я поражаюсь твоей выдержке, ты просто молодец. Я верила в тебя и не ошиблась. Отдыхай сегодня, ты это заслужил сполна. – Я почувствовал, как ее рука гладит мой лоб, нос, подбородок и щеки. Она успокаивала меня как грудного младенца.

– Но это неправда, Лиза, – прошептал я. – Я не мог...

– Ладно, Джон, – вздохнула она, – если ты выдержал такое, то, надеюсь, мы спокойно поставим точку на той истории и забудем про нее. Смотри, я меняю кассету, и ставлю сегодняшнюю. Извини, но я всегда записываю разговоры, просто для того, чтобы их осмыслить потом.

Опять щелкнула кнопка, и я услышал свой голос. Он был явно мой, но интонация и слова, которые я слышал, не могли мне принадлежать.

– Бич, так ее зовут. По крайней мере, так ее звали те мужики, которых она приводила. Так ее звал и я... Она – простая сучка. Проститутка, безвольная тряпка. Она даже не знает, с кем меня нагуляла. Если бы не я, она бы уже давно сдохла. Меня уже тошнит вытягивать ее каждый день. Лучше бы она сдохла, нам обоим было бы легче.

Голос затих, я даже не услышал щелчка кнопки, так меня поразила эта запись. Да, что-то я говорил сегодня Лизе, когда сам был как во сне. Не может быть. Голос мой, но это – не я. Я просто не мог быть таким, не мог. Сердце просто упало, я не ощущал, бьется оно или нет.

Зато мозг передавал простые и четкие импульсы: – Это ты, Джон, и ты это знаешь. Факты – вещь упрямая. – Так прошло еще минут десять, пока мои губы не вымолвили:

– Я верю тебе, Лиза. И я верю ей, а это – больше всего.

– Все, Джон, все кончено, – Лизин голос был тверд как металл, – сейчас я сделаю тебе укол и спать. И постарайся, выбросить все из головы.

– Нет, милая, нет, подожди, – мой голос умолял, – почему? Ну, почему же?!

– Джон, расслабься, я тебе отвечу что-нибудь завтра. Мне надо встретиться с профессором, тем старичком. А пока, забудь. Ты и сам понимаешь что случилось. До того света ты был одним, а сейчас ты совсем другой. Вот и вся разгадка. Хотя это – для меня еще большая загадка.

Укола я не почувствовал, но все поплыло перед глазами и я провалился в бездну.

Глава 8. Пробуждение

На следующий день я проснулся поздно, и понятия не имел, сколько времени я вообще проспал. Чувствовал я себя прекрасно, хорошо отдохнувшим. Но постепенно, из полумрака, стали выплывать воспоминания. Они были чернее ночи, но я удивился, что ни одна слезинка не появилась у меня в глазах. Мое сердце затрепетало, а я старался к нему прислушаться. – Я найду ее, – понял я, чего бы мне это не стоило, но найду. И встану перед ней на колени. Может она не была идеальным человеком, но она – мать, и только благодаря ней я сейчас существую. – Я уже мысленно молил ее о прощении, и, даже представлял себе картину их встречи. – Нет, она не задушит меня, ведь я – ее сын. Как бы хотелось, чтобы она смогла простить меня. Мама, – мысленно обращался я к ней, я простил тебя, полностью и бесповоротно. Найди силы, чтобы простить и меня. Я тебя просто умоляю.

Мои мысли нарушил Стив. Он был искренне рад, что я спокойно лежал, не плакал, а просто задумчиво глядел в потолок. Он, наверное, догадался, о ком я мог сейчас думать. И просто сел на стул рядом.

– Извини меня, Стив, – произнес я, – как хорошо, что ты не знал меня прежде.

– Джон, забудь, вот мой тебе совет. – Мягко сказал он. – Если мы будем корить себя за все то, что было в прошлом, лучше повеситься сразу.

– Наверное, ты прав, но я предпочел бы осознать свои грехи, попытаться искупить их, и только потом их забыть.

– У тебя еще будет время, – спокойно сказал он, – у тебя еще будет много времени. Джон, сколько бы грехов у тебя не было – у тебя будет время, чтобы попытаться искупить их. И забыть. Лично я в это верю. Думаешь, кто-нибудь из нас святой? Лично я никогда таким не был, хотя грехи у всех разные. Кстати, – он нахмурился, – через неделю тебе придется сделать еще одну операцию. Просто, исправить положение кости, чтобы она срослась правильно. Но это – обычная операция. А в остальном дела твои идут хорошо, ты поправляешься, и, поверь мне, я этому искренне рад. Лиза сегодня немного задержится, наверное, будет после обеда. Тебе с ней хорошо? То есть комфортно?

– Вы оба прекрасные люди, я благодарен вам от всего сердца, – сказал я, – и я люблю вас обоих.

– Джон, если бы я не знал тебя, то некоторые слова воспринял бы по-другому. Но ты – очень чувствителен, и честен в высказываниях. Поэтому...

– Извини, Стив, я сдерживаю себя, но иногда я называю свои чувства так, как я их чувствую. Наверное, сами слова немного режут слух, но они имеют не тот, обычный и привычный для нас смысл. Наверное, я заразился, там, от Марты.

– Все хорошо, Джон, не думай об этом. Ты действительно не такой, как все.

Когда он ушел, я еще долго лежал, глядя в потолок, до тех пор, пока не почувствовал, как в палату вошла Лиза.

– Милый, – с порога услышал я, – у тебя все в порядке?

Я уже растаял. Или она подыгрывала мне, или просто заразилась, и ей понравилось.

– Спасибо, дорогая. Сядь прямо на кровать, пожалуйста. – Я увидел ее глаза, они улыбались. И я заметил, что интерес в них, наверное, ко мне, совсем не прошел. Значит, она меня пока не бросит, – утешил себя я. Стало приятно, и я сам улыбнулся.

– Ты мне таким очень нравишься, Джон, – сказала Лиза. – Так держать.

– Спасибо. А что сказал профессор? Этот старичок, почему-то мне сразу понравился, и я сразу его зауважал.

– Я тоже. Наверное, потому, что он – объективен, и всегда готов выслушать и понять все версии, даже самые несуразные. Мой шеф – не такой. Для него все или белое, или черное. Хотя в своем деле он – еще та голова, мне у него еще учиться и учиться.

– И что же он сказал? – наверное, в моем голосе сквозило нетерпение.

– Что ты – молодец. И я – тоже, – непосредственно рассмеялась Лиза. – Слышишь, Джон, мы с тобой – молодцы.

– Приятно слышать, – согласился я, – но...

– Нет никаких но. Он не волшебник, и сказал мне то же самое, что мы оба уже знаем. До клинической смерти ты был одним, после – стал другим. Значит, что-то с тобой там сделали. Вот так, все очень просто, если не жутко загадочно. Я прослушивала твою историю там, много раз, но не уловила ни одного момента, когда кто-нибудь проявлял к тебе какую-либо активность, или убеждал тебя в чем-то, учил. Ничего. Он – специалист, и такие случаи, как твой, видел сотни. Но, как он говорит, люди возвращаются такими же, как и туда ушли, независимо от времени нахождения в клинической смерти. Да, многие со временем поменялись, большинство в лучшую сторону, другие остались такими же. Но ты уже вернулся другим, абсолютно другим, понимаешь? Вот в чем загадка.

– И что он тебе посоветовал?

– Наверное, он прав. Я это чувствую, хотя лично у меня сейчас одно желание, приступить к разгадыванию. Но он посоветовал сначала вытянуть тебя полностью из амнезии, а потом уже приступать к разгадке. Он даже изъявил желание лично при этом присутствовать. Представляешь?

– Лиза, все складывается прекрасно, – задумчиво ответил я, – у меня не меньше желания разгадать эту загадку. К тому же, – я немного затянул с продолжением, – я вам рассказал не все. То есть, не рассказал самый маленький кусочек: конец. Мне казалось, что я не имел права это сделать. Но если мы потом к этому вернемся, я сделаю это, пусть Марта меня простит.

– Джон, ты знаешь мое любопытство, – слезала Лиза, – но пусть будет так. Когда захочешь – расскажешь сам. Может именно в этом и будет разгадка. А теперь милый, извини меня, но мы должны продолжить. Чем скорее мы закончим эту, неприятную для тебя часть, тем тебе самому станет легче, и тем быстрее мы возьмемся за изюминку. Ты согласен? И вообще, ты еще хочешь все вспомнить?

Я задумался. Да, я хотел все вспомнить, но уже знал, что эти воспоминания не будут чище тех, которые они оба вчера вытащили из его подсознания.

– Лиза, мне кажется, что твой шеф был прав. Я все равно все это вспомню, ведь оно все есть в моей голове. Так лучше сейчас и все сразу. Зачем тянуть? Не волнуйся, мне будет горько, но уже не так, как с мамой. И я постараюсь не плакать.

– Плачь, милый, плачь. Дай волю своему сердцу и душе, тебе от этого станет легче. – Она заглянула опять мне в глаза. – Не стесняйся меня, прошу тебя. Будь самим собой.

– Мне опять надо впасть в транс, и вспоминать? – спросил я. – А может, просто ты мне прокрутишь все пленки, и я поверю? Я поверю, Лиза, уже поверю. Тебе и им, не сомневайся.

– Нет, дорогой, – она замотала головой, – ты должен вспомнить хоть что-то сам, тогда ты сам же и доведешь все воспоминания до конца. Если я просто прокручу тебе пленки, ты не вспомнишь, а просто примешь информацию к сведению, и твой мозг не начнет работать. И твою амнезию мы не вылечим, а просто заберем ее, наложим на нее информацию, небольшой кусочек. Когда ты вспомнишь все, ты победишь амнезию.

Она была права, хотя у меня не было особого желания вспоминать абсолютно все. Уже одних пленок было бы достаточно, чтобы понять, кем я был, и почему от меня все отвернулись.

– Ладно, давай, – неохотно сказал я и вздохнул.

– Ты молодец, Джон, и я в этом убеждаюсь все больше и больше. Вспомни жену. Давай, милый, как вчера.

Я закрыл глаза и попытался повторить вчерашний процесс. Но к моему неудовольствию, а может и удовольствию, я опять увидел Марту. Сейчас я сразу понял, что говорили ее губы. – Жена, – повторяли они, не переставая.

– Опять Марта, – я услышал свой голос. – Ее губы повторяют про жену.

– Не убирай ее. Что ты чувствуешь?

– Свет, яркий свет. Мне хорошо.

– Он идет от обоих?

– Да. Он заливает все.

– Вглядишься в него, в нем что-то есть. Что это?

– Наверное, свадьба. Их двое. Она красивая, в свадебном наряде. Он – в шикарном костюме.

– Ты узнал их?

– Первый раз вижу. Подожди, свет начинает гаснуть. Нет, пожалуйста, нет! Свет потух. Ночь.

– Что ты чувствуешь?

– Плохо, мне плохо. Вижу кровать, на ней сидит женщина и рыдает. А вот, появился и мужчина. Я чувствую, что он ее оскорбляет, и та плачет еще сильнее. Сандра! Это Сандра!!! Моя милая девочка! Я не дам тебя в обиду! Я....

– Кто такая Сандра, Джон?

– Тупое и безмозглое существо, – услышал я уже другой голос, – она ничего не умеет, тупее, наверное, не бывает. Как меня вообще угораздило ее найти!? Она хуже обычной коровы, та хоть дает молоко. – Ты мне уже так надоела, что сидишь меня в печенках! Дура. Я перекрещусь, если Бог избавит меня от тебя один день. Ты хоть что-нибудь умеешь? Дурой была, ею же и останешься! Уйди с моих глаз, хоть на час не маячь передо мной! – картина стала тухнуть и исчезла.

Я опять почувствовал медицинский запах, когда очнулся. Значит, мне делали укол и я спал. Но Стива не было, и я не плакал. На меня смотрело Лизино лицо. Оно просто нависло надо мной.

– Джон, ты в порядке? – Ее голос волновался.

– Да, милая, все в порядке. Просто я увидел свою жену. Как она была прекрасна! Я так хочу ее увидеть, обнять, целовать, даже взять на руки.... Когда меня выпишут?

– Джон, ты опять – молодчина. – Но...

Тут я вспомнил. Сердце мое сжалось.

– Лиза, я ей сделал что-то плохое. Ее нет, то есть, она не со мной. Что? Ну не томи, включай пленку. Я должен это знать.

– Джон, я надеюсь, что ты уже более подготовлен к тому, что услышишь. Но, все равно, ты точно этого хочешь? – в ее голосе опять было беспокойство. – Ладно, но я приготовлю шприц.

– Включай, – безразличным голосом попросил я.

Вскоре щелкнула кнопка.

– Извините, мы из полиции. Ваш бывший муж попал в аварию, и мы расследуем это дело. Нам нужна любая информация о нем. Сейчас он находится в

– Лиза, прокрути, – попросил я, – я хочу услышать только то, что она расскажет.

– Извините, я не желаю о нем говорить. Я была так счастлива, что смогла от него уйти и забыть его навсегда.... А теперь мне надо выворачивать грязное белье?

– Но это очень важно для следствия.

– Лиза, – повторил я, – прокручивай полицейских, оставь только ее разговор, пожалуйста.

– Хорошо, Джон, только держись.

Кнопка магнитофона щелкала на стоп, воспроизведение, перемотку. Я уже не слышал эти звуки.

– Да, он – очень умный, очень. Но лучше бы я сошлась с любым дураком. Какая я была дура! Нам надо было хоть месяц пожить вместе, а мы только встречались до свадьбы. Тогда бы я сбежала от него, как от прокаженного. Никакой свадьбы, слышите, никакой!

– Он был деспот, эгоист, я боялась его. Нет, он никогда меня не ударил, но лучше бы он делал это. Он меня гноил, словами, взглядами, своим присутствием. Гноил, унижал, просто уничтожал. Да, я надеялась, что после родов он хоть как-то изменится. Но стало еще хуже. Его ненависти хватало на двоих. Она увеличивалась с каждым днем. Я со страхом ждала его возвращения с работы. И не было ни одного раза, поверьте, ни одного, чтобы я не рыдала. Это было невозможно.

– Да, я ненавижу его и молю Бога лишь об одном, чтобы он никогда, даже случайно, не перекрестил мой путь с этим деспотом. Я сбежала, когда уже была беременна во второй раз. Я знала, что будет. И я решилась. Какая я молодец! После него я, наконец, стала просто жить и свободно дышать. Оставался единственный страх, что он придет. Но он никогда не появился, даже не искал меня. Прошу вас, просто умоляю, давайте закончим, я больше не могу. Нет, я даже не приду на его похороны, если он там у вас умрет...

Как я не пытался, но водопад слез повторился. Я уже верил и понимал, что все это правда, и что я был последним мерзавцем.

– Можешь не повторять мне мою запись, я верю, – всхлипывая, произнес я. – Только не могу понять, как я мог быть таким! Нет, Лиза, дорогая, не коли...

Все поплыло, и я провалился в бездну.

Глава 9. Ничего, но много нового

К моему удивлению, когда я очнулся, Лиза сидела рядом. Солнце уже подходила к закату, но она, почему-то не ушла.

– Лиза, спасибо, – прошептал я, – наверное, ты мой ангел. Или просто ангел. Как хорошо, когда ты рядом.

– Джон, я просто хотела убедиться, что ты в порядке. Как ты?

– Грустно. Грустно и жаль. И лишь одно желание.

– Спать? Хочешь, я тебе сделаю еще один укол?

– Нет. Желание найти ее, упасть и целовать ей ноги. И, чтобы она меня простила. Или хотя бы, попыталась. А уж потом – забыть.

– Джон, тебе только сорок шесть. У тебя еще вся жизнь впереди.

Я усмехнулся. Вся жизнь. Да если бы мне дали хоть лет пять, да даже и три. Я знал, что сделаю, когда меня выпишут. Мне жутко захотелось выйти из этой палаты поскорее. Завтра. Даже сегодня.

– Лиза, – попросил я, – давай дальше. Не волнуйся, я готов.

– И не думай, дорогой, – строго сказала она. – Ты знаешь, сколько у меня пленок? Ну, хотя бы догадываешься? Конечно, нет. Пятьдесят шесть. Это почти на три месяца. Скажи мне, ты хочешь прослушать все?

– До единой, – я был в этом просто уверен. – Но зачем полиции столько пленок?

– Тебе же говорили. По твоему наезду возбуждено уголовное дело, ни водитель, ни машина не найдена. Есть серьезная версия, что все было сделано преднамеренно, кто-то хотел тебе отомстить. А это уже совсем другое дело: попытка убийства. Именно поэтому, после нескольких первых пленок, появились и остальные. Все твои знакомые, родственники, подчиненные, тебя ненавидели. Любой из них мог тебя убить, или нанять для этого кого-то.

– Да, – задумался я, – я уже предчувствую, что будет и на остальных пленках. Но ты знаешь, Лиза, если бы даже и так, я первый вступился бы за того, кто хотел бы меня убить. Я уже сейчас хотел бы убить того Джона, собственными руками.

– Его уже убили. Его нет, Джон, – мягко сказала Лиза. – Ты – другой человек. Будь им, и забудь про того.

– Лизонька, – вдруг вырвалось у меня, – я не знаю как, но мне хочется тебя отблагодарить. За все.

– Успокойся, милый, – она улыбнулась, – просто расслабься и постарайся опять заснуть. И забыть все тоже. Завтра я буду у тебя с утра.

Она ушла и палата опустела. Я лежал и просто думал. Было о чем. Почему, например, я не реагировал на Лизу, то есть мое подсознание, повторяя ее слово, ничего не выдавало. А вот Марта, шевеля губами то же самое, вызывала видения, воспоминания, чувства. Потом, мозг и сердце переключились на другое. Уже пережитые воспоминания, вернее их куски, тянули за собой всю историю. Медленно, но верно. Все, что я знал о матери, потихоньку всплывало, но уже в деталях. То же самое происходило и с Сандрой. Но с последней, были и хорошие, просто чудесные воспоминания. Как мы познакомились, как ходили в кафе, первый поцелуй... Я поймал себя на мысли, что улыбаюсь, с большой нежностью, даже любовью. Но это длилось не долго, пока не наступала серая, а потом просто черная полоса воспоминаний. Слезы не высохали, но остановить их я уже не мог. Лиза сказала правду: если я хоть что-то вспомнил, или увидел, то процесс пошел, и он остановится автоматически лишь тогда, когда я вспомню все, до мельчайших деталей. Моя душа закричала в один момент: – Сандра, милая, я уже не тот, я хороший!!! – И я уснул.

Лиза не обманула меня. Когда я проснулся утром, она уже сидела на стульчике и ждала. Потом сразу пересела на край моей кровати и заглянула в лицо.

– Привет! – улыбнулся я, – я, наверное, стал бы счастливым, если бы так было каждое утро. Лиза, мне пусто без тебя. Нет, не подумай ничего такого. Но ты – явно мой ангел. Огромнейшее тебе спасибо!

Ее лицо расплылось в улыбке. – Джон, я тоже все время о тебе думаю. Ты очень хороший, открытый, честный. Сегодня ночью я просто испугалась за тебя. Ведь тебя когда-нибудь выпишут. А таким, какой ты сейчас есть, очень трудно в нашем мире. Мне действительно захотелось защитить тебя от него. Да, ты можешь опять к нему приспособливаться, и вернуться к тому, кем ты был. Но я хочу, чтобы ты оставался таким же. Таких мало, очень мало.

– Я никогда не стану таким, как я был, – твердо сказал я, – я лучше повешусь, или брошусь под колеса.

– Не надо делать экстремальных выводов, милый. Давай, лучше, продолжим.

– Давай. Только укоротим. Говори мне слово. Я уже знаю, что делать. А потом, включай пленку, только то, что обо мне рассказывают. Я много думал, когда ты вчера ушла. С матерью у меня был шок, не скрою. С женой – острая боль и слезы. Но я вижу, что успокаиваюсь. Изменить прошлое я не могу, а вот то, что я сделаю, когда меня выпишут, я уже знаю определенно.

– Это меня и пугает, Джон, – пробормотала она. – Сын. У тебя есть сын.

Я автоматически закрыл глаза, говоря про себя это слово, но уже ждал, когда появится лицо Марты, и знал, что она мне будет говорить губами. Так и случилось.

– Темное, – услышал я свой голос, – полная темнота. Она идет от меня. Да, я всматриваюсь. Молодой пацан, лет десяти – двенадцати.

– Что он делает?

– Не понимаю, но чувствую, что боится. Да, так и есть. Он ничего не делает, но его глаза наполнены страхом. И какой-то ненавистью тоже. Лиза, это – Майк!

– Кто такой Майк?

– Тупое существо, как и его мать. Ему не место на этом свете. Та тупая корова все-таки родила его, а могла бы сделать аборт, как я хотел. У него все дырявое, и голова и руки. Все падает из рук, а из головы выходят тупые слова. Мне стыдно, что я – его отец. Я бы, хоть сейчас сдал бы его в какой-нибудь приют, или детский дом. Может там он на что-нибудь сгодится. Хотя вряд ли. Урод.

Я очнулся, и уже ничему не удивился. Даже вопросу, все ли со мной в порядке.

– Это был мой сын, Майк. Моя первая гордость. Мое подобие. Какой прекрасный парень! – Я замер. – Что-то не так, Лиза, что-то плохо. Я ему сделал плохо, я чувствую. Милая, да включай же эту пленку! Извини. Пожалуйста, включай.

– Мой отец? У меня его нет. И не было.

– Ладно, но пусть это будет последний раз в моей жизни, когда я его вспоминаю. Чудовище! Эгоист. Как он издевался над матерью! Меня он просто не замечал, как комара или мелкого таракана. Я прятался во все щели, когда он приходил, только бы с ним не встретиться. Нет, он никогда меня не ударил, он сказал лишь один раз, что не хочет марать руки о такую бездарь, как я. Все равно, когда мне исполнилось тринадцать, он меня выгнал из дома, даже не помню, какой предлог он нашел. У него их были тысячи. Нет, он не кричал, он просто попросил никогда не попадаться ему на глаза. Я собрал вещи и ушел. Матери не было дома. Только ее одну мне было жалко.

– Искал? Да вы что, смеетесь? Он даже просто надавил на мать, чтобы она забрала из полиции заявление о моей пропаже. Хватит. У меня просто уже колотятся руки.

– О какой внучке? Вы смеетесь? Да он в жизни не появился ни перед моей мамой, ни передо мной, и, слава богу. Какая ему может быть интересна внучка? Нет, вы просто не знаете его. В клинике? А я так верил, что его уже нет, и что у меня действительно нет отца. Жаль.

Я услышал звук кнопки, но почувствовал в глазах лишь пару слезинок. И не отключился, а просто смотрел в потолок. Сердце сжалось, от горя, или от грусти. Я лежал и молчал. Хлопнула дверь, и появилась Лиза. Я даже не заметил, что она выходила, и сколько прошло времени. Слезы успели высохнуть, только глаза были вспухшими, или я просто их так чувствовал.

– Джон, сделаю укол? – услышал я голос Лизы и окончательно очнулся от мыслей.

– Не надо, – прошептали мои губы. – Просто не уходи. Пожалуйста.

Я почувствовал, что нежная Лизина рука опять гладит мое лицо. Но это успокаивало. Я чувствовал себя младенцем, которого так нежно гладит материнская рука. Как приятно! А ведь мать, иногда, меня так и гладила, я вспомнил. Правда перед этим она выливалась на меня ведро отборных матов, а уж потом плакала и гладила.

– Лиза, ты не поверишь, но я начинаю многое вспоминать. Даже детали. По крайней мере, о матери и о жене. Уже сегодня, я начну вспоминать и о сыне. Твой метод действует. Причем, на все сто.

– Дорогой ты мой, – вздохнула с облегчением Лиза, – я рада, что он действует. Но только потому, что ты мне поверил и приложил все свои усилия. Думаешь, я этого не почувствовала? Или не заметила? Все делаешь ты сам, я только инструмент.

– Ты – золото, Лиза. – Нет, золото это слишком банально. Ты просто ангел. И профессионал высокого класса. Я так тебя люблю!

– Я тебя тоже, Джон.

Странно, слова про любовь звучали для меня совсем в ином смысле. В чистом, и широком. Гораздо шире, и глубже. Я был рад, что Лиза это поняла. И даже мне ответила тем же, в том же смысле.

– Может, продолжим? – с надеждой спросил я, хотя уже знал ответ.

– Завтра, Джон.

– Ладно, иди милая. И спасибо тебе за все. Это говорит мое сердце, а его не обманешь. Только приходи завтра, пожалуйста.

– Пойду, но знай, Джон, это ты – ангел. А таким не место в этом мире. За это я боюсь больше всего.

Дверь за ней закрылась. – Я – ангел? – Мне стало смешно и грустно. После всего услышанного из пленок, это слово просто корежило слух. Даже издевалось.

Через час появился Стив.

– Джон, привет, все хорошо?

Я кивнул, и даже улыбнулся.

– Есть две новости, хорошая и не очень. С какой начать?

– Стив, ты же меня знаешь. Конечно, с не очень.

– Ладно. Планы поменялись, сегодня вечером тебя повезут на операцию. Последние снимки ее ускорили. Но это так, ничего страшного. Ногу опять сломают, и опять склеят, только уже хорошо, так как надо.

– Ты сказочно добр ко мне, – усмехнулся я. – Но, все нормально. Жаль только, что Лизу не увижу.

– Через три дня увидишь, не забывай, что послезавтра воскресенье. В понедельник она будет тут как тут.

– А она знает?

– Я позвонил ей. Она просила передать тебе удачи, и провести эти дни на пользу дела. Просто вспоминать, что сможешь.

– А хорошая новость? – спросил я.

– Ты помнишь, когда я ответил, что тебе здесь быть не менее чем полгода? – Я кивнул. – Я ошибся. Твое выздоровление не идет так гладко.

У меня упало сердце, но я почувствовал какой-то подвох.

– Оно просто бежит, и не гладко, а странно. Твой организм делает чудеса. Сейчас бы, я назвал бы не полгода, а вдвое меньше. И завтра, с тебя уже начнут на некоторых участках снимать гипс. – Он посмотрел на меня очень внимательно.

– Я люблю тебя, Стив, – вымолвил я. – Очень.

Тот вздрогнул, но его лицо не поменялось. – Если бы я не знал тебя, Джон, я бы тебе такое сказал в ответ! Спасибо, дружище. Правда не знаю, как это у тебя получается, так выздоравливать. И вообще. Я отвечу на твой вопрос. Ты будешь жить до ста лет и умрешь среди правнуков. Поверь мне. Через два часа будь готов, за тобой заедут, – он улыбнулся и пошел к двери.

Я все понял. Нет, предстоящая операция меня не волновала. Я понял, и притом сердцем, почему так быстро выздоравливаю. У меня появилась цель, и я спешил ее исполнить. Много целей. И много спешки. Но все они были исключительно хорошими, и организм это понял и решил мне помочь. Я вспомнил слова той же Марты, что должен любить свое тело. Теперь я его искренне полюбил и благодарил. И вообще, я уже любил всех. Лизу, Стива, всех профессоров, и даже нянечек, которых я до этого просто не замечал, а ведь они меня обмывали каждый день, ухаживали. Даже Лизиного шефа любил.

Глава 10. Спешка

Я очнулся в своей же палате. Наркоз начал отходить и нога ныла. Зато, моя голова лежала прямо на подушке, гипсовой прослойки не было. Меня предупредили, чтобы я не мотал головой в разные стороны, и поберегся бы немного. Но факт был фактом. Я мог смотреть на всех входящих и сидящих рядом. Я даже увидел свое окно, которое было справа, и от которого шел свет. Несмотря на ногу, я находился в состоянии полной эйфории. Наложённого гипса еще оставалось много, я не мог ни попробовать, ни ходить, ни двигать руками, только кончиками пальцев. Но голову досрочно освободили!

Все выходные я провел в раздумьях и воспоминаниях, уважительно относясь к просьбе Лизы. Не знаю, все ли я вспомнил, или нет, но мне показалось, что очень много. К сожалению, в некоторых моментах мне не удалось сдержать слезы. Большинство воспоминаний были чернее тучи. Но я старался относиться к ним, как будто речь шла не обо мне. Получалось не всегда, отсюда и слезы. Наконец, я попытался стать героем для Лизы. Расслабившись, я стал повторять слово *дочь*, ведь я знал, что именно она будет следующей. Я повторил его, наверное, раз сто, но не увидел ни Марту, ни каких-либо видений. Чувства тоже молчали. – Вот так тебе, Джон, – сказал я себе с грустью, – без Лизы тебе слабо, без Марты – тоже, сам ты ничего не умеешь. – Я передумал и перепробовал все, что можно, но никакого эффекта не было. Почему?! Наконец, меня осенило: я ведь никогда не видел дочки. Моя жена сказала, что ушла, будучи беременной ею. Как я мог ее представить, если этого в памяти быть не могло. Все понятно, кроме одного. Я понимал, что она меня тоже ненавидела, хотя лично не знала. Значит, ей наговорили жена и сын? Но зачем? Кроме дочки, я не знал, то есть не помнил, кого мне можно было бы еще представить. Я бросил это занятие, и вернулся обратно. Интересно, но я вспомнил еще немало деталей, больше о жене и сыне. Мать, как не старался, я помнил плохо, отрывками. Но ведь я был тогда еще ребенком.

Ночами я опять переключался на Марту, и продолжал с ней разговаривать. То есть, скорее всего, с ее туманом. Каждый такой разговор что-то оставлял в душе. Я не понимал что, но чувствовал, что это было хорошим, или я начинал видеть некоторые вещи немного по-другому. Добрее, что ли, или чище.

Наконец настал понедельник. Я проснулся рано, и сразу повернул голову в сторону входа. Лизы долго не было, но, наконец, она появилась, и не просто, а с букетом цветов. Меня бросило в жар. Почему я почувствовал, что этот букет для меня? Ведь его запросто могли подарить ей кто угодно.

– Джон, милый, ты не представляешь, как я по тебе соскучилась, – это были ее первые слова. – Я знаю, я все знаю, какой ты молодчина, и я просто купила этот букет для тебя.

У меня навернулись слезы, и я ничего не мог сказать. Лиза тем временем, сходила и принесла маленькую скромную вазочку, и поставила в нее цветы. В палате замечательно запахло.

– Почему ты плачешь, Джон? – настороженно спросила она.

Слезы полились еще сильнее. Я не мог ничего сказать. Не только из-за слез, а просто не находил слов, чтобы оценить такое ко мне внимание. Лиза старательно вытирала их кусочком бинта, пока они, наконец, сами не прекратились. – Извини, Джон, я совсем забыла, что ты очень чувствителен. Прошу тебя, не говори ничего и не благодари. Твои слезы уже все за тебя сделали. – Как искренне она говорила! – Ты знаешь, я открою тебе мой маленький секрет. Только тебе. С тех пор, как я тебя узнала, я чувствую, что становлюсь добрее. Ты как-то на меня действуешь, притом очень неожиданно, хорошо и приятно. Даже мои ученики это заметили. Так что, мне есть, за что тебя благодарить, даже за рамками твоего лечения.

– Лиза, это – не я. – Фраза вырвалась изнутри. – Это – из того света. Они поменяли меня, и дали что-то еще в придачу.

– Может ты и прав, но к тому свету мы договорились вернуться лишь тогда, когда ты окончательно выздоровеешь. Хотя мне самой это очень интересно. И еще. Я стала бояться еще больше. За тебя, узнав, что тебя выпишут примерно тогда, когда мы собирались закончить. Нет, это, конечно, просто чудесно. Но я не представляю тебя за воротами этой клиники. Я боюсь за тебя. Ты слишком добрый.

– Слишком добрых не может быть. Бывают только слишком злые. – Задумчиво ответил я.

– В идеале ты, наверное, прав, но посмотрим, что же будет в реальной жизни. – Она откинулась. – Джон, я тебя не брошу. Даже когда тебя выпишут. И не надейся.

– Спасибо, – с радостью в глазах и голосе, сказал я и добавил, – милая.

– Давай, расслабляйся, ты уже знаешь процесс. Дочь. Повторяй это слово.

– Но ведь...

– Джон, кто здесь врач, а кто пациент? Не огорчай меня, пожалуйста.

Я закрыл глаза, но уже знал, что это – бред. Нехотя я начал повторять слово, как вдруг, как всегда, появилась Марта, и я, не веря глазам, прочитал по ее губам это же слово. Я смотрел на нее как замороженный, хотя уже давно понял, что мне говорят ее губы.

– Чернота, – услышал я свой голос. – От меня. Не могу, всматриваюсь, но ничего не вижу. Что делать?

– Увидишь. Смотри внимательно, и увидишь.

Время тянулось.

– Какой-то снимок, или фотография, или рентген. Нет, скорее всего – рентген. Клубочек. Черно-белый, маленький. Не может быть. Это – наверное, моя долгожданная дочка. А?

– Кто это был, Джон? – спросила Лиза, стерев с моего лба испарину.

– Еще один подарок судьбы, будь он проклят. Ну почему мне так не везло? Почему у ее матери не было выкидыша, я ведь специально доводил ее до этого? Отродье, будет такой, как и все остальные. Еще один лишний рот. Чтоб ты не родилась, сволочь малая.

– Хватит, Джон, – я почувствовал, как чья-то рука просто закрыла мне рот. Меня трясло, но не более. Ни слезинки. Другая рука меня гладила по лицу.

Наконец, я успокоился, и пришел в себя. Лиза, а это была она, опустила руку, закрывающую мне рот.

– Моя долгожданная дочка. – Сразу начал я, без просьбы. – Я даже уже дал ей имя. Мальчик и девочка, это же так идеально! Как я ее ждал, как берег.

Уловив странный Лизин взгляд, я все понял.

– Что, не так? Да? И тут не так? Пожалуйста, включай.

Щелкнула кнопка. Звучащий женский голос немного заикался.

– Его не было, нет, и не будет. Да, я его никогда не видела. Зато вы знаете, сколько я пролежала в психушке? Трудные роды у моей матери, невроз, недоразвитость, потом депрессии. Это говорю не я, почитайте мою медицинскую карту, она состоит из двух томов. Причем все болезни – врожденные.

– Да, я спрашивала и у мамы, и у брата. Оба молчали, пока я случайно не подслушала разговор мамы с моим врачом. Только тогда я поняла, что, вернее кто, был причиной всего, что я имею и на сегодняшний день. Нет, мама ему не говорила, что мой отец ее бил. Но он хотел, просто жаждал выкидыша, и делал все, что мог для этого.

– Нет, я никогда его не видела. В больнице? Пусть пролежит там хоть часть того, что я отлежала, причем в самых разных. Даже не хочу, чтобы он узнал мое имя, не то, что увидеть.

Кнопка щелкнула. Я лежал и смотрел в потолок, как всегда. И чувствовал себя так же, как и всегда. Даже тут, я заслужил такой ненависти, надо же было умудриться!

– Ты в порядке?

Я кивнул, грустно глядя в потолок.

– Забудь. Сейчас забудь. Потом вспомнишь. Основное мы закончили. Молодец!

Я вздохнул. На душе было гадко и стыдно.

– Лиза, – чуть не шепотом попросил я, – давай еще, времени ведь мало. В этот раз все прошло быстро. И я не заплакал. А может, хватит с воспоминаниями? Остальные – это не важно. Мне хватило родных.

– Важно, милый, все важно, – тоже грустно произнесла та. – Вспоминать придется всех, ведь мы же договорились. Скажи спасибо, что полиция ограничилась только этим кругом. Наверняка, тебя знали сотни, а то и тысячи людей. Но ты вспомнишь и о них. Ты уже сам знаешь как. Конечно, пленок не будет. Но ты – не дурак.

– Лиза, раз ты мне открыла свой маленький секрет, я тебе открою и свой. – Я рассказал ей, почему, на мой взгляд, свершилось чудо с моим укороченным восстановлением.

– В этом что-то есть, даже много чего, – согласилась она. – Я знаю, что ты спешишь сделать. Но, по-моему, ты просто не представляешь, с чем ты столкнешься.

– Наверное. Но я просто хочу попросить прощение, и сказать, что я уже не тот. Мне кажется, что просто сделав это, у меня очистится душа, хотя сердце не перестанет болеть. Да, я не знаю их реакции. И трудно так сразу все понять и простить. Но я должен, понимаешь – должен... Потом я постараюсь все забыть, пойду к тому же гипнотизеру, чтобы он затер мне память. Ведь это можно сделать? И буду жить, но уже другим, таким как я, есть сейчас.

– Я боюсь больше за последнее. И на то у меня есть причины. Конечно, я буду рядом, но... Ладно, Джон, согласна изменить правила. С завтрашнего дня ускорим темп. Главное, чтобы твоя голова с ним справлялась. Не во время сеанса, а потом. Ведь ей надо воссоздать все детали.

– Справится, – уверенно заявил я, – а почему не сегодня?

– Давай просто поговорим, поболтаем. Я действительно многое переживаю вместе с тобой. Раньше я такой не была. Но до тебя мне еще очень далеко. К сожалению, или к счастью.

Мы долго разговаривали. О пустяках. Но мне было приятно. Время пролетело быстро, и Лиза ушла. Мне опять стало пусто, лишь оставленный букет согревал сердце.

Глава 11. Одно и то же.

Дни полетели как облака, подгоняемые ветром. Лиза приходила каждый день, кроме воскресенья. Ночами я разговаривал с загадочным туманом, а в остальное время просто вспоминал. После родственников пошли те, кто у меня работает или работал. К сожалению последних было слишком много, видимо выгонял я за любую провинность. Пленки были очень похожи, как и судьбы, которые я ломал, даже не замечая этого.

– Мэрдок? Эта та сволочь, которая меня уволила уже на второй день? Да чтоб он сдох. Если бы он мне сейчас предложил вернуться, я бы просто плюнул ему в лицо. Даже, нуждаясь в работе.

– Классный специалист, ничего не скажешь. Если кто-то не вышел – сам лежит весь день под машиной. Но такую сволочь, надо еще поискать. Он уволил меня за то, что я сломался обычный ключ. Я ему поверил, даже взял кредит. А теперь живу на улице. Даже жену не смог прокормить, тот кредит же и задушил. Все меня бросили. Убил бы гада.

– Хуже чем он просто быть нельзя. Когда он уезжал, все вздыхали и работали как люди. А при нем – как рогатый скот, если не хуже. Да, я работаю у него и сейчас, а что делать. В больнице? Хоть бы его оттуда не выписали. Все это время без него – просто рай. А бухгалтер выдает зарплату своевременно.

– Встречу – убью. Прямо на улице. В больнице? Что бы его там и похоронили.

– У меня жена рожала, в муках, даже позвонили из больницы. Уволил за то, что отлучился буквально на час. Показал ему все бумаги. Он не глядя, бросил их в мусорку. Таким как он нельзя давать рождаться: или аборт, или выкидыш.

Можно было не продолжать. Так пролетело два месяца и оставалось всего несколько пленок. Я многое передумал и вспомнил за это время. Даже, как выглядит моя мастерская. И кто сейчас должен бы в ней остаться. С домом пришлось труднее. Вспомнил его только из-за жены и сына. Вспоминая их, ловил уже и детали дома. Громадный, красивый, и пустой. Оставались женщины, которые приходили к нему убирать, и пара соседей.

Чем хуже мне становилось от услышанного, тем чутче, отзывчивей и добрее становилась душа и сердце. Мозг просто работал, но дело свое выполнял хорошо. Вспоминалось уже быстро и много.

Мы сблизилась с Лизой. Душами, конечно. Я уже просто не представлял свою жизнь без нее. На мне остался последний гипс, на последней оперированной ноге. Лиза помогала мне разминаться, ведь я уже ходит по палате, правда с костылем.

Однажды я спросил ее, кто мог позвонить тогда и опознать меня? Ведь одна такая душа все-таки оказалась.

– Джон, ты – молодец, я даже забыла об этом. Подумай, среди прослушанных пленок ты не находишь кандидата? Постарайся просто почувствовать.

– А что тут думать. Ты же сама все слышала. Остались только последние пленки, может на них?

За неделю мы дослушали все. До последней.

– Можете посмотреть, у меня прекрасные рекомендации. Он обругал меня, как последнюю посудомойку, вышедшую в первый день на работу. Не важно, что я старше его. Никогда его не забуду. Встречу – даже специально отвернусь. В больнице? Так ему и надо.

– Вы называете его моим соседом? Эту мерзость и тварь? Да, физически его дом граничит с моим. Спасибо ему, что я уже много лет не могу продать дом. Зачем? Чтобы свалить подальше от этой гадюки. Но все покупатели сразу разнохивают о нем, весь район его ненавидит. В больнице? Боже, если ты есть, пусть он сдохнет там же! Я и дом, тогда не буду продавать.

Кассеты кончились. Загадочная душа так и осталась загадкой. А до моей выписки оставалась неделя. Мои мысли уже переключились на то, что я буду делать, как только выйду. Однажды, я впервые застал Лизу в слезах. Я проснулся утром, а она сидела рядом и плакала.

– Джон, – сказала она, – пообещай мне, что позволишь мне быть с тобой, когда тебя выпишут. – Слезы катились градом.

– Милая, конечно, разве мы не договорились? Заранее прошу твоего прощения, но я даже могу предложить тебе жить в моем доме. Кстати, ты еще хочешь продолжать вторую, мою самую загадочную часть? Ту, что на том свете. – Но почему ты плачешь? – У меня сжалось сердце.

– Предчувствия, Джон, только предчувствия. Но они меня пока еще никогда не подводили. А продолжать я очень хочу. Я рада, действительно рада, что ты многое вспомнил, и хоть чем-то я смогла помочь.

– Да не думай обо мне! После всего услышанного, знаешь, сколько людей вздохнет, если со мной что-то случится? Сотни! А насчет продолжения, я тоже хочу продолжать. Но, параллельно с другим, ты знаешь с чем.

– Я уже не могу не думать о тебе. Нет, ты только не подумай ничего такого. Просто тебе будет очень трудно в этом мире, таким, каким ты есть. Да и мне нелегко. Я подумаю о твоём предложении, спасибо.

– А я ничего и не мог подумать. – Мне было странно, но я ее понимал. – Мне без тебя будет еще труднее.

Вдруг я невольно обнял ее за плечи. Все мое существо выражало такую огромную благодарность, что мои действия опередили мысли. Я испугался. Очень испугался. Того, что она не поймет. А еще хуже, если обидится, и мы расстанемся.

– Спасибо, – вдруг услышал я, – не отпускай руки, мне так очень хорошо. Я чувствую твое сердце, ты поверишь? Оно очень хорошее, я это знала, а теперь почувствовала его совсем рядом. Знаешь, я не буду думать. Я согласна. Если только ты не передумаешь, мы поедem к тебе домой вместе, и я останусь. Так мне будет легче, а может, и тебе тоже.

– А что подумает твой шеф?

– Что хочет. Мне лично – все равно. Да, я пишу диссертацию, но, в конце концов, и без диссертации можно нормально жить, и быть хорошим человеком, как ты, например.

– Да ладно тебе, Лиза. Нашла с кем сравнивать.

Пришлось встретиться и с полицией. Я рассказал все честно, абсолютно все, что вспомнил.

– У вас есть подозрение, что кто-нибудь мог хотеть вашей смерти? – спросил полицейский.

– Все до единого, – я не выдержал и улыбнулся. – Я был такой пакостью, что сам бы себя задавил.

Полицейский странно смотрел на меня, но все записывал. Потом еще куча вопросов, формальности, и через час он оставил меня в покое. Вряд ли я чем-нибудь смог бы ему помочь. – Дубликаты документов можете получить в участке через три дня, – сказал он, наконец, и ушел.

Ну, вот и все, мне сняли последний гипс, а назавтра меня уже выписывали. Мое сердце раскалилось добела. Я благодарил всех и вся, жал руки, даже всплакнул. Мне хотелось всем отплатить чем-то хорошим, но я не знал чем.

– Милая, у тебя хоть есть мой адрес, и все другие, с пленок? – спросил я ее, оставшись на минуту наедине.

– Есть, Джон, – как-то безрадостно сказала она. – И пленки тоже. Ты сожжешь их сам, когда посчитаешь нужным. Тебе будет удобно в моей машине? Или ты хочешь такси?

– Дорогая, мне – все равно, лишь бы с тобой, и побыстрее. Я не хочу, чтобы все увидели мои слезы, а я их еле сдерживаю. Как и чем можно отблагодарить всех этих людей? Ума не приложу.

– Твое сердце их уже отблагодарило. Я это видела, вернее, чувствовала.

– Тогда поедем?

– Да. Я тебя жду внизу, на парковке. Голубая Тойота. Она единственная такого цвета.

Лиза вышла, и я услышал, как закрылся лифт. Сам же я пошел к лестнице. – Спасибо, Марта! – вдруг сказал я вслух. – Я знаю, что без твоей помощи здесь не обошлось. – Не знаю почему, но я в это искренне верил.

Глава 12. Дома

Машина Лизы была голубого, просто небесного цвета. Я сел рядом и пристегнул ремень. Но заметил, что все это делал автоматически. Таких деталей я не помнил, но, оказывается, и не забыл. Машина тронулась, а я смотрел вокруг, раскрыв рот. Вроде бы, все было как впервые, но ощущения, что это все я уже видел, не покидало меня ни на секунду.

– Дорогая, почему у большинства людей такие угрюмые лица? – неожиданно спросил я Лизу. – Такой чудесный день, благодать, красивые деревья вдоль дороги, а они...

– Джон, – опять вздохнула Лиза, – раз и навсегда ты должен понять, что твои грязная и блестящая стороны, принадлежат одной и той же монете. Но они не просто разные, а противоположные. Пока ты этого не поймешь, у нас будут трудности, и немалые. Я бы просто посоветовала тебе думать о том свете только ночью, лежа в кровати. Остальное время, ты должен быть готов к любой грязи.

– Какой я был и сам, не так уж давно, – закончил я. – Ты знаешь, умом, я как бы это понимаю, а вот сердцем... Кстати, у меня дома, наверное, нет ничего, ни есть, ни пить. Может, заедим и купим?

– Умная мысль. Только ты останешься в машине, а я быстро сбегаю. Договорились?

Я улыбнулся. Как она обо мне заботилась!

Мы свернули к какому-то огромному магазину, и Лиза пошла вовнутрь быстрой походкой. Я сидел и изучал людей. Напротив, молодая мама воевала со своим малышом. Он никак не давал ей открыть багажник, плакал, брыкался и вообще, чуть не стягивал с нее одежду. Бедная мама, держа его одной рукой, никак не могла попасть ключом в багажный замок. Я открыл дверь и вышел.

– Извините, женщина, дайте я подержу вашего малыша. – Предложил я. – Вы так никогда не загрузитесь. Или дайте ключи, а сами держите его обеими руками.

– Женщина испуганно посмотрела на меня, и с криком ПОМОГИТЕ! – бросилась бежать в сторону магазина. Каталка с продуктами осталась стоять возле машины. Я опешил, ничего не понимая. Но через минуту меня уже заламывали двое охранников. Я лишь заметил, как Лиза бежала с пакетами в мою сторону.

– Он сказал мне: – дай мне ребенка, или отдай мне ключи, – плакалась охранникам женщина. Послышался вой полицейской сирены. Полиция и Лиза очутились рядом одновременно.

– Джон, что ты сделал? – всхлипывала Лиза.

– Ничего, – меня скрутили, и говорить было трудно, – предложил ей помочь. Она никак не могла открыть багажник, малыш не давал ей.

– Документы, – потребовал полицейский из подъехавшей машины.

– У него их пока нет, – Лиза вынырнула и уже стояла перед ним. – Я его лечащий врач, вот мои документы. Его только что выписали и я везу его домой.

– Он что, псих? – спросил тот, внимательно изучая бумаги, протянутые Лизой.

– Нет, но у него провалы памяти. Можете позвонить в полицейское отделение, она рылась в сумочке и наконец, достала телефон. Они вам подтвердят.

Вокруг уже собралась толпа, и до меня доносились выкрики и возгласы. – Вот так воруют детей, прямо среди бела дня! Он еще машину у нее потребовал, негодяй. Совсем обнаглели, да по его лицу сразу видно, что за штучка.

У меня закружилась голова. – Милые, – услышал я свой голос, – вы ошибаетесь, я просто хотел ей помочь. Неужели никто из вас не сделал бы то же самое?

– Джон, дорогой, только не открывай рот, – услышал я мольбу Лизы. Тем временем, полицейский уже куда-то звонил.

– Извините, – обратился он к Лизе, нам надо проехать в участок.

– Зачем? – возмутилась она. – Что он такого сделал? Предложить помощь, это что, сегодня уже преступление?!

– Пострадавшая уверяет об обратном. – Настаивал тот. – Просто разберемся в участке, и все. – Джек, – крикнул он напарнику. Забери пленку с видеокамеры, и поехали в участок. – А вы – усаживайтесь. Нет, не туда, в нашу машину, она удобнее.

Хлопнула дверца и я увидел перед собой решетку. Я сидел на заднем сиденье в наручниках. Я даже не успел заметить, когда мне их надели. Жутко кружилась и болела голова. Я действительно ничего не понимал. Вскоре вернулся второй и машина поехала. Я оглянулся, и увидел на хвосте голубую Тойоту. За ней следовала машина той женщины с ребенком.

В отделении нас ждал уже какой-то солидный мужчина.

– Адвокат, – шепнула Лиза. – Раньше, чем открыть рот, спроси его. – Ее саму в отделение не пустили.

Мы вышли через час. Я не успел сказать ни слова, за меня говорил адвокат. У меня даже хотели снять отпечатки, и сняли бы, если б не он. Лиза бросилась мне на шею и зарыдала.

– Не плач, – умолял я ее. – Меня отпустили. Поехали.

– Спасибо, Гарри, – сказала она мужчине. Тот кивнул головой. – Мы можем возбудить иск против женщины, – спокойно сказал он. – Видео съемка показала, что вы находились от нее в двух метрах, и с вашей стороны не было никакой агрессии. Надевать вам наручники не было необходимости. Я могу сделать неприятности и полиции тоже.

– Нет, что вы! – вступился я. – Кстати, вон она выходит.

Из участка действительно вышла та женщина, но уже в сопровождении какого-то мужчины, несшего бережно малыша на руках, тот сладко спал. Когда они поравнялись с нами, я невольно выступил вперед.

– Извините, – я обращался к женщине, – я хотел бы...

Мужчина, ее сопровождавший, сразу передал ей ребенка и оказался сбоку.

– И не думайте, – грозно заявил он, – я – бывший полицейский, и я не позволю оскорблять мою жену.

Я просто его не замечал, а продолжать обращаться к женщине.

– Я очень прошу вас, меня извинить. Вы – прекрасная мать, вы все делали правильно, защищая своего сына. Это я виноват. Наверное, моя внешность испугала вас. Я еще раз очень прошу вас, меня простить, прошу от чистого сердца.

Наступила немая сцена, причем для всех. Женщина непонимающе смотрела на мужа, а тот не знал, что сказать.

– Да, конечно, – как-то растерянно произнесла женщина, – все нормально.

У меня на душе стало легче. Я улыбнулся ей и пошел к Лизе.

– Я бы на твоём месте отвез его обратно, только уже в другого типа больницу, – советовал Гарри ей в это время.

– Спасибо вам, – я благодарно пожал Гарри руку. – Можно ехать, Лиза?

Мы, молча сели в голубую Тойоту.

– Что я сделал, Лиза? – Спросил я. – Чтобы меня так скрутили, да еще надели наручники.

– Я так и знала. – Она стукнула кулаком по рулю. – Ничего ты не сделал. Я во всем виновата. Почему я не дала тебе посмотреться в зеркало? Откинь эту штуку, там зеркало, – сказала она мне. Я так и сделал. На меня смотрел небритый мужчина, со шрамами на лице. Голова была почти лысой, вернее побритой, и на ней отчетливо зияли темно-бордовые линии, от недавно наложенных и уже снятых швов. В остальном, это был обычный мужчина.

– Ну и что? – спросил я. – Бывает и хуже, но я ее понимаю.

– Просто одного твоего вида достаточно, чтобы черт знает что подумать. Вот оно и произошло.

– Ладно, – растерянно сказал я. – Надеюсь, она меня простила там, в участке? Все могут ошибиться.

– Мы скоро подъезжаем, – сказала Лиза растерянно, – где у тебя тут въезд? Ну и домина же у тебя!

Насколько я смог вспомнить, въезд был за толстым металлическим забором. Ключей у меня не было, и я с трудом перелез через калитку, рядом с забором. Вдалеке я увидел новенький Форд, и узнал его. Открыв ворота, я пропустил Лизу, и тут же их закрыл. Сам гараж располагался в глубине участка.

– Наконец то, – вздохнула Лиза и пошла за мной в дом.

Я узнал его. Мне действительно удалось вспомнить много деталей, хотя и не все.

– Выбирай любую комнату, – сказал я, оглядываясь, – на любом этаже.

– А где твоя спальня? – спросила она.

– Наверное, наверху. Извини, мне надо удостовериться, и я поднялся. Открыв последнюю дверь, я узнал ее, свою кровать. Я и не заметил, что Лиза следовала за мной.

– А рядом с тобой можно? – как-то смущенно спросила она.

– Милая, выбирай любую, только чистоту не гарантирую. Я вообще пока ничего не гарантирую, надо привыкать ко всему.

Лиза была умницей. Она нашла тряпку, за час помыла полы в обеих спальнях, внизу в столовой, и даже протерла пыль. Потом также быстро она разобрала пакеты и накрыла стол. Мне страшно хотелось пить. Взяв в руки бутылку какой-то газировки, я, почему-то тщательно изучил этикетку.

– Милая, я не буду это пить, и тебе не советую. – Грустно сказал я. – Тут одна химия. Я поставил бутылку на стол, а у Лизы отвалилась челюсть. – Не обижайся, ладно?

– А это что, мясо? – Мои глаза явно потухли. – Из-за этого убили бедное животное. Неужели в мире нет овощей и фруктов, чтобы никого не убивать? Мне так его жалко.

Лиза уронила вилку. А я, взяв стакан, направился к крану и набрал обычной воды. Потом взял со стола апельсин, и начал его чистить.

– Джон, милый, – Лиза уже готова была заплакать, – что с тобой там сделали? Я ничего не понимаю. Помнишь, ты обещал открыть мне одну маленькую тайну, принесенную оттуда? Ты не можешь сделать это сейчас? – В ее голосе звучала неподдельная мольба. – Может, я что-то начну понимать?

Я вспомнил. Да, я обещал. И я рассказал ей про заповеди, и про то, что в меня напоследок что-то влили. Лиза слушала меня с открытым ртом.

– Я знаю. Похоже на заповеди из Библии. Но почему-то мне так хочется им следовать, – как бы извиняясь, сказал я. – Например, надо любить свое тело. Я к этому пришел еще тогда, в больнице. А здесь же, одни химикаты, – показал я на бутылку, – я же его буду этим травить. Надо любить все, и животных тоже. А их убивают, чтобы я их ел? А как же быть с *НЕ НАВРЕДИ*? Да я сам поощряю, чтобы их уничтожали, чтобы мы могли набить их телом свой живот. Это – очень печально, и, по-моему, неправильно. Лиза, я не прав? Скажи мне честно, милая моя, тебе я поверю.

Лиза долго молчала. – Но Джон, ты же ел мясо в больнице? И пил все, что тебе давали.

– Я его выплевывал, – честно посмотрел я ей в глаза. – А читать, что мне давали пить, у меня просто не было возможности, да и выбора тоже. Сейчас это все у нас есть. Почему мы должны это есть и пить? Ну, скажи мне, Лизонька?

В ответ у нее опять покатались две слезинки.

– Джон, мне пока тебе нечего сказать, – всхлипнула она. – Давай я выкину всю еду, и бутылки с газировкой. Хочешь?

– Нет. Я хочу просто все это понять.

– Милый, дай мне позвонить нашему старичку. У меня к нему куча вопросов, а потом мы продолжим, а?

– А почему ты у меня спрашиваешь разрешение? – удивился я.

Та благодарно кивнула и поднялась в свою спальню. Я сидел и смотрел в одну точку. Вроде, я делал и мыслил правильно, как мне казалось. Но я одновременно чем-то делал больно Лизе, а этого я допустить не мог.

Лиза спустилась быстро. – Ты не против, если он заедет сюда?

– Да хоть на постоянно, – сказал я. – Он же хороший человек. Я буду очень рад его видеть.

– Джон, ты похож на святого, – вдруг сказала она. – Он приедет часа через два.

– Не смей меня. Лучше давай отдохнем хоть часок, пока есть время. Но если хочешь, поешь сначала, не смотри на меня. Каждый волен делать то, что он считает для себя правильным.

– Нет уж, – сказала она. – Я пойду лучше прилягу.

Я тоже поднялся к себе и рухнул на кровать. – Марта, что то здесь не так, – это были мои последние слова.

Глава 13. Втроем

Меня разбудил звонок. Лиза тоже вышла из спальни в каком-то халатике. Открыв дверь, мы увидели того мужчину, мужа молодой женщины, из-за которой сегодня и произошел весь переполох. Он выглядел растерянно, но пытался держать себя в руках.

– Мистер Джон, – заявил он перед порогом, – мы с женой хотим принести вам свои извинения. Вы действительно ни в чем не виноваты.

– Виноват, – сказал я, – я же попросил у нее прощения. Я так рад, что она меня простила, судя по вашему приезду. Вам не надо извиняться, она поступила правильно, защищая вашего малыша.

– В общем, извините нас, – растерянно сказал он и протянул мне какую-то картонку. – Это моя визитка, у меня свое сыскное бюро. Если что-нибудь понадобится, – сразу обращайтесь, я не возьму с вас ни цента.

– Дорогой, – улыбнулся я, – огромное вам человеческое спасибо! У вас доброе сердце. За это у вас есть прекрасная жена и чудесный сын. Может, вы хотите пройти?

– Нет, что вы, – испуганно сказал он, – я поехал. Извините еще раз. – Он быстрым шагом пошел к своей машине, и поспешно уехал.

– Джон, ты творишь чудеса, – как-то странно посмотрела на меня Лиза, – я бы в жизни даже не подумала бы, что так случится.

– Ничего тут странного нет. Он хороший человек, и жена у него такая же. Видишь, они оба простили меня.

– Простили тебя? За что? – Лиза была удивлена. – Но даже не это. Чтобы он приехал к тебе, да еще и предложил тебе свои бесплатные услуги, для этого мира это не то, что редкость, а просто чудо.

– Все нормально дорогая, мы оба поступили правильно, чудесами здесь и не пахнет.

Спать уже не хотелось. Я пошел обходить дом, заглядывая во все уголки, чтобы все вспомнить, а Лиза возилась на кухне. Когда я вернулся, я уже знал или вспомнил все, даже где у меня лежат инструменты. К тому же, я загнал свой Форд и Лизину Тойоту в гараж. Он был огромен. Я так же почувствовал, что прекрасно вожу машину, но это возникало опять же, автоматически.

Зазвенел звонок. Открыв дверь, мы увидели нашего старичка, и провели его в дом. Я пошел мыть руки, но слышал, как Лиза рассказывала ему о том, что случилось совсем недавно.

– Профессор, я очень благодарен вам, что вы нашли для меня время, – сказал я, войдя в гостиную.

– Что вы, Джон, я виноват перед вами. Я обещал навещать вас, но ни разу не приехал. Столько дел. Извините. – Он держался настолько естественно, будто бы мы были знакомы уже много лет, и он не раз бывал у меня дома. Лиза предложила ему напиток, и он не отказался.

– Джон, – обратилась она ко мне, – прости меня, но ради общего дела я поделилась с профессором твоим маленьким секретом. Поверь мне, это – в последний раз.

– Ладно, – я махнул рукой, – какой это секрет. Просто я сам его сделал из ничего. Профессор, извините за вопрос, вам действительно еще интересен мой случай? – обратился я к нему.

– Да, – просто ответил он. – Как я и говорил, я знаком со многими похожими случаями, но ваш интересней всех.

– Почему?

– Как вам сказать, – он поставил стакан на стол, – ваш секрет это подтверждает. У многих, во время клинической смерти, наступала эйфория души, если ее так можно назвать. Неважно описание мест, куда они попадали. Были также и контакты. Но никто и пока никогда, не проявлял к ним какой-то активности, то есть ничего не пытался объяснить, а тем более, чему-то учить. В вашем же случае, произошло исключение. Конечно, оно было вызвано тем, что вы были так настойчивы, но вам это и сказали прямо, та же ваша Марта. – Я не должна тебе этого говорить... – Но она, сказала. Неважно, что на первый взгляд это цитаты из Библии, хотя немного измененные. Важен уже тот факт, что вас чему-то пытались научить. А ваш туман, это тоже странная вещь. Я верю вам, что вы чувствовали, как вас им заполняют. Верю потому, что вы и сейчас его чувствуете.

– Да, профессор, – подтвердил я. – не знаю, что это, но оно во мне есть.

– Так вот, – продолжал он, – те, кто, как и вы, возвращались обратно, оставались такими же, как и до ухода. Со временем, их мировоззрение менялось, или нет. Вы же уже вернулись другим. Может, тут и нет никакой загадки. Может эта ваша амнезия помогла вам. Но факт есть факт. Ушел один человек, а вернулся другой.

– Это хорошо или плохо? – спросил я.

– Трудный вопрос, – ухмыльнулся он. – То, как вы себя ведете, чувствуете и реагируете, – чудесно. Это как эталон, каким должен быть человек. В вас все – положительно, и в мыслях, и в действиях. Но это, и огромная для вас опасность. Вы вернулись в старый, действительно, грязный мир с чистой душой. Лиза для вас, это ангел-спаситель. Уберите ее хоть на час и дайте вам выйти в этот мир, как вы очутитесь в лучшем случае в моем заведении, а в худшем – за решеткой. Да, Джон, вы этого может, еще не осознаете, но уже сегодняшний случай, на пустом месте, это подтвердил. Это как простой, деревенский наивный парень очутился в столице. С ним сразу случится столько бед. Пока он не перевернет свой деревенский мир, видения и поведения, и не примет правил игры большого города, или просто общества. Но вы, как я понимаю, не собираетесь, или не можете, его принять. Что вас ждет, я вам уже сказал.

– Я с вами полностью согласна, – вмешалась Лиза, – я страшно за него боюсь. Иногда, мне он действительно кажется святым. Это прекрасно, я просто тянусь к нему. Но что стало с Иисусом? Его убили. Боже, я не хотела бы такого с Джоном, я готова защищать его всегда и везде, но я не могу приковать его руку к своей. Что делать, профессор?

– Лиза, если вы думаете, что я знаю все в этом мире, то вы глубоко ошибаетесь. Да, я знаю и видел многое. Да, я не могу отрицать некоторые странные вещи, но и не могу их доказать. Джон, для меня это новый эксперимент, и он мне очень интересен. Но прежде всего, надо думать о его безопасности. – Джон – обратился он уже ко мне, – Лиза мне уже кое-что рассказала, не вините ее, она желает вам только добра. Что вы собираетесь делать в вашей жизни? Вы мне можете доверить ваши планы? Шаг за шагом.

Я задумался. Я доверял ему. То есть мой мозг и сердце.

– Я хотел бы, сначала, найти каждого, кому я причинил столько боли, и просто попросить прощение. Что-то говорит мне, что у меня камень упадет с души.

– Извините, что прерву вас. С точки зрения психиатрии и психологии, я вас прекрасно понимаю. Чувство вины, иногда даже ложной, приводит многих людей к помешательству. Одна из моих пациенток, случайно переехала собаку, та выпрыгнула ниоткуда и прямо ей под колеса. Случай обыденный, она не виновата. Да, ранимый человек может поплакать над мертвой собакой, даже внутренне извиниться, и на следующий день все забыть. Но она не забыла. Наоборот, с каждым днем чувство вины съедало ее. Она уже представляла, что у собаки были щенки, и им нечего было есть. Нет, она даже не знала, был то кобель, или сучка. Она сама раздувала эту вину, которой просто не было. Все кончилось печально, – вздохнул он, – она навсегда заперта в психиатрической клинике, и нет никакой надежды.

Поэтому я знаю, что такое чувство вины. И понимаю вас. Если ваша вина вам не забывается, ее надо снять. Если вы считаете, что попросив прощение, вам станет легче, сделайте это. Хотя вы даже не знаете, с чем вы столкнетесь. Никто не знает. И если вы все-таки на это решитесь, попробуйте с малого, например с вашего соседа. Не начинайте с главных лиц. Только заимев хоть небольшой, но опыт, и если ваше желание не изменится, тогда продолжайте.

– Профессор, – ужаснулась Лиза, – вы что, одобряете эту его затею??? И даже советуете, как это делать? Да вы просто не знаете его. Я знакома с ним дольше. И не представляю, чем это все может закончиться.

– Милочка, – спокойноотреагировал тот, – я не сомневаюсь, что вы его знаете больше. Да, с порога, я уже мог посоветовать, увезти его на самое далекое ранчо, прямо сегодня, и забрать у него машину. И чтобы там не было ни одной души рядом. Только покой и природа. Но. Чувство вины, а оно у него есть, и вы это знаете, съест его и там. И закончиться все может даже хуже, чем вы это представляете. Поэтому, я вам этот вариант и не высказал.

Я опять почувствовал себя вещь. Чувство стало двояким. С одной стороны было обидно, что вот так, без меня, двое хороших людей сейчас решают мою судьбу, как какого-то старого дивана. Выкинуть ли его, или переставить, и куда. С другой стороны, было чувство благодарности к этим людям. Я был им никто. Оба уже выполнили по отношению ко мне свои медицинские функции, и могли бы просто и с чистой совестью про меня забыть. Ведь я не был последним пациентом, ни у того, ни у другого. Но они сидели и так серьезно пытались мне помочь, каждый по-своему. Я был безумно благодарен обоим, и мне было приятно.

– Будьте всегда рядом, – услышал я голос профессора, – и заранее заручитесь поддержкой какого-нибудь адвоката. По медицинской части, поддержку ему я беру на себя. Только позвоните мне, если надо.

– Лиза, – вступил я, – у тебя же своя работа, планы, жизнь. Оставь меня, я не стою того, чтобы из-за меня...

– Стоишь, – вдруг прервала она. – Что ты знаешь о моих планах? Что ты вообще обо мне знаешь?

Она была права, я действительно никогда ее о ней самой не спрашивал. Я даже не знал, сколько ей лет.

– Молодые люди, – вмешался профессор, – мы так можем говорить часами, и самое интересное, что каждый из нас будет по-своему прав. Честно говоря, когда я ехал к вам, у меня было много вопросов, касающихся феномена пребывания его в состоянии клинической смерти. Сейчас я уже не хочу об этом говорить. Нет, эта тема не снята, наоборот, мне становится все интересней. Его поведение в настоящее или будущее время, является результатом этой темы. Так или иначе, мы к ней уже приступили, только с конца. Давайте так и продолжать. В конце концов, мы выйдем и к истокам. Но уже разобравшись с последствиями. Это даже немного необычно, но не менее интересно.

– Джон, – обратился он ко мне, – продумайте хорошо ваши будущие шаги, прежде чем их сделать. Если вы почувствуете хоть на минуту, что вам их можно не делать – остановитесь. Этот вариант был бы самым лучшим. Для всех нас. Мы бы сразу перешли бы к истокам, то есть, начали бы детально анализировать, что же случилось с вами на том свете. Но если вы не сможете, то, по крайней мере, всегда держитесь Лизы. Не выходите без нее никуда за порог своего дома. Если она, конечно, на это согласится.

– Лиза, – подумайте хорошо, надо ли в действительности вам все это. В самом худшем случае он окажется в одной из моих больниц, и, поверьте мне, я о нем побеспокоюсь лично. Если же вы все-таки решитесь, не отпускайте его никуда одного. Вы – его ангел-хранитель.

– Джон, – обратился он ко мне, – не чувствуйте, что без вас за вас решают. Будь на моем месте другой психиатр, он уже забрал бы вас и поместил в больницу. Мне трудно объяснить

вам по каким мотивам. Не, вы ничего не сделали, и вы хороший, нормальный и полноценный человек. Постарайтесь воспринять некоторые ограничения, как забота о вас в лучшем смысле этого слова.

Я искренне понимал его, хотя в душе было не гладко. Какое-то ощущение, что они знают, а я этого не понимаю, удручало меня. Как и то, что при всей открытости и явной доброжелательности, я в чем-то был для них каким-то редким экземпляром. А я им быть не хотел, просто не чувствовал себя таковым.

Профессор уехал, предупредив Лизу звонить ему хоть ночью, если что. Он даже оставил ей номер своего личного телефона, который, наверное, даже не знали в клиниках, где он работал. За это я был ему искренне благодарен, хотя настроение не улучшилось.

– Лиза, милая, – как-то безразлично попросил я ее, думая о другом, – расскажи мне немного о себе, что хочешь. Обо мне ты знаешь все. А я действительно, абсолютно ничего, ты была права.

– Милый, я сделаю все, чтобы только твой грустный взгляд изменился. Не переживай, не думай не о чем, расслабься. Все будет хорошо.

Я кивнул.

– Мне тридцать шесть, я никогда не была замужем, у меня нет детей. Есть небольшая квартирка, я ее уже выкупила. Я всегда была отличницей, и моя профессия интересовала меня всегда больше чего-то другого. Все свободное время я провожу, то есть, проводила дома, с книгами, Интернетом, компьютером. Мои родители живут на одном ранчо в Техасе. К сожалению, мы общаемся только по телефону, хотя часто. Жениха, или кого-то наподобие такового, у меня нет. Зато есть ты. Я не брошу тебя, Джон. И мне не о чем думать. Ты – какая-то светлая полоса в моей душе и в жизни, которой у меня никогда не было. Особенная полоса. И ты, скорее всего, бессознательно на меня влияешь. Хорошо влияешь, я чувствую себя с тобой лучше и чище. А помогаю я тебе просто так. Мне это очень нравится. Поэтому, я это делаю не из-за тебя только, а в большей мере из-за себя. Не чувствуй, что ты мне чем-то обязан. Иногда, я обязана тебе многим, чего до конца не понимаю сама. Можешь спрашивать, что хочешь, милый. У меня нет секретов.

Я слышал все, но думал о другом. Мой туман голосом Марты говорил мне: – Джон, обратной дороги нет, эту ты выбрал сам. Будь самим собой, это все, что тебе надо делать.

– Спасибо, Лизонька, – наконец очнулся я от раздумий, – извини, но я буду таким, какой есть. Не жди во мне перемен, и знай, что ты всегда свободна, как в чувствах, так и в поступках, я никогда не осужу ни то, ни другое. Даже, если ты однажды исчезнешь из моей жизни навсегда.

Глава 14. Вдвоем

Солнце шло к закату, а мы с Лизой так и сидели на диване, и разговаривали. О чем? Наверное, обо всем, что нам приходило в голову. Наконец, она спросила про мои планы на завтра.

– Пойду к соседу. Хотя мое сердце рвется к матери, но я поверю профессору.

– Джон, я бессильна что-либо сделать. Только поверь мне. Прислушайся к моему мнению. У тебя ничего не получится, он даже не станет тебя слушать.

– Почему? – удивился я.

– Будь умен, не только чувствителен. Ты слышал его пленку. Он ненавидит тебя, и поверить, что ты пришел не с какой-то очередной гадостью, ему будет трудно, просто невозможно. Он не даст тебе сказать ни слова.

– И что же ты предлагаешь? Я не откажусь от своего. Будет, что будет.

– Нет, ты не прав, милый, ничего не будет, и твоего удовлетворения тоже. Дай мне сначала поговорить с ним.

– О чем? Ты знаешь его? Он знает тебя?

– У меня есть некоторый опыт в психологии, особенно этого мира. Не того, откуда ты вернулся. Я просто попытаюсь подготовить его. Я знаю примерно, как себя вести. И не буду за тебя говорить ничего. Потом, ты все скажешь сам, все, что захочешь, если мне удастся с ним договориться.

– Получается, что вместо того, чтобы показать свое лицо, я подсылаю кого-то? Лиза, во-первых, это просто не по-мужски. А во-вторых, это не по-человечески. Я сам должен исправлять то, что я наделал, а не переваливать это на тебя.

– Вот ты сам и будешь это исправлять. Но без меня, тебе просто не дадут возможности даже попытаться. Джон, я просила и прошу тебя. То, что касается действительности, это мой конек. По крайней мере, на сегодняшний день. Ты просто должен мне, и в меня поверить.

– Дорогая, я всегда тебе верю. Почему ты все время это повторяешь? Неужели сомневаешься?

– Нет, милый, нет.

– Тогда дай мне шанс попробовать. Если не получится – я буду вести себя, по-твоему. Лиза тяжело вздохнула.

– Тебя не переубедишь, – грустно сказала она. – Тогда зачем терять время? Иди к нему сейчас, ты вернешься уже через пять минут и ни с чем. Только позволь мне быть рядом, хотя бы на расстоянии видимости.

Я улыбнулся. Какая смешная! Но так приятно, что о тебе заботятся.

– Тогда пошли, – я встал, – не надо переодеваться.

Лиза поднялась тоже. Мы вышли из дома и направились в сторону небольшого особняка моего соседа. В памяти, я вроде бы как помнил его лицо. Не ошибусь ли? Мне не было страшно, и я почувствовал небольшое волнение.

Лиза отстала, когда я подходил к дому. Я собрался, как мог, и нажал на кнопку звонка. Прошло менее минуты, и дверь открылась. Да, это был он, но какой жуткий взгляд!

– Джим – сказал я, – тебя можно на пару слов, пожалуйста.

Дверь захлопнулась так, что я почувствовал ударную волну воздуха. Нет, я не собирался уходить, а нажал на звонок еще раз.

– Еще один звонок, Джон, и я вызову полицию. – Услышал я его голос, пропитанный ненавистью, но уже издалека, наверное, из окна его дома. – Оставь меня в покое! Я просил тебя об этом тысячу раз. Я не шучу.

Я не знал, что делать. Рука тянулась к звонку опять, но вспомнилось происшедшее сегодня у магазина. Я почувствовал, что это может повториться, и только из-за Лизы я пошел обратно.

Мы сидели опять на том же диване. Я был еще грустнее.

– Ты права, Лиза. – Вынужден был признать я. – Не понимаю почему, но ты оказалась права. Не думай, что мне трудно признаться. Трудно понять почему.

– Милый, расслабься. Тебе незачем понимать это. Твои намерения были честными и от души. Ты уверен, что все-таки хочешь с ним поговорить?

– Да, – я сам удивился своему упорству. – Да.

– Он работает?

– Насколько я помню, днем его не бывает. Кроме выходных.

– Тогда жди меня здесь. Поклянись, что ты не выйдешь из дома. Я скоро вернусь.

Не знаю с чем, но вернусь.

Я махнул рукой. Лиза вышла, а через минуту вышел и я. Остановившись в пределах видимости, но под ветками большого дерева, я наблюдал. Лиза разговаривала с соседом. Тот не впустил ее в дом, но вышел и стоял напротив. Я заметил какую-то жестикуляцию, сосед махал руками и что-то ей говорил. А она ему отвечала. Странно, но он не уходил. Прошло минут десять, а они еще разговаривали. Потом он склонил голову, видимо что-то обдумывая. Затем разговор продолжился. Когда Лиза повернулась, чтобы идти назад, я мигом полетел в дом и упал на диван. Сердце колотилось, я считал секунды, когда же она войдет.

– Все в порядке Джон, – сказала она с порога, и вздох какого-то внутреннего облегчения вырвался произвольно изнутри. – Зайди к нему через час. Дай ему время подготовиться.

– У тебя получилось, милая моя, – я вскочил и во второй раз в жизни обнял ее. Я не боялся, что она подумает.

– Да, выдержкой Бог меня не обделил, – вздохнула она. – Был бы только толк, а об этом ты мне скажешь, когда захочешь, и когда поймешь сам.

Я выпустил ее и сел на диван. Оказывается, мне тоже нужно было подготовиться. Я это почувствовал острее всего именно сейчас. Но волнение исчезло, я просто искал слова, какие буду должен произнести. Я поменял их кучу, и остановился на каком-то наборе. Все слова были от души.

Час пролетел незаметно. Я вздохнул и встал. Лиза, как и тогда, пошла следом. Мы не обмолвились ни словом, но мне казалось, что она волнуется гораздо сильнее меня. Я позвонил. Дверь открылась почти моментально, видимо он ждал.

– Что ты хочешь от меня, Джон, – голос соседа не изменился, ненависть сквозила просто из его глаз. – Знай, что только благодаря той девушке, я согласился просто к тебе выйти. Она должна быть святой, чтобы просить за такого, как ты.

– Джим, – неуверенно начал я, – я ничего не хочу. Просто, я был последней сволочью, и я это понял. Я действительно это понял, раз и навсегда. Я только прошу тебя поверить в это. И последнее, прости меня за все, если сможешь. Я никогда, слышишь, никогда не причиню тебе зла. – Не знаю, откуда она взялась, эта слеза, но тот ее заметил.

– Джон, я не верю ни одному твоему слову, зная тебя и живя бок обок столько лет. Ты всегда лгал, и сейчас тоже. – Он вдруг задумался, наверное, над моей слезой. – Или ты псих, просто крыша у тебя поехала, понимаешь?

– Думай, как хочешь, но просто поверь мне, пожалуйста. Знаешь, – вдруг вспомнил я, – тебе всегда нравилась моя лужайка в конце участка. Я тебе ее дарю. Даже бумаги оформлю, хоть сейчас.

– Будь проклят ты и твоя лужайка, Джон, – было сказано грубо, но тембр стал мягче, – лучшим подарком было бы никогда больше тебя не видеть, и...

– Постой, сосед, я сделаю все, чтобы ты меня не увидел, – мое настроение вдруг стало улучшаться, – я прекрасно понимаю тебя, и я заслужил такое ко мне отношение. Просто, хоть попытайся простить меня, как сможешь, я говорю это от чистого сердца...

– Его у тебя никогда не было и не будет, Джон. Это все?

– Да, Джим. – Слезы покатились из моих глаз, и, развернувшись, я медленно пошел домой.

– Псих, – последнее, что я услышал от Джима, и хлопок двери.

Лиза буквально впихнула меня в дом, и дала таблетку. Я безразлично ее выпил. Она ничего не говорила и не спрашивала. Просто обняла, и повела меня наверх. И закрыла за мной дверь моей спальни.

Я остался один, и вдруг разрыдался. Как мне было больно, стыдно и противно за себя. Сколько гадости я должен был бы сделать, чтобы человек так мог меня ненавидеть! Не раздеваясь, я упал на кровать, даже не выключив свет. И мгновенно уснул.

Глава 15. Первые шаги

Я проснулся от стука. Открыв глаза, я понял, что стучат в дверь.

– Заходи, Лиза, – крикнул я, и дверь открылась.

– Милый, извини, что стучала, но я нервничала. У тебя все в порядке?

– Конечно, – удивился я, – а почему ты спрашиваешь?

– Потому что, за все время, сколько я тебя знаю, ты никогда так долго не спал. Уже полдень, Джон, поэтому я и стучала.

– Полдень?! – я протер глаза. – Не может быть. Милая, не стой на пороге, зайди. Ты же не будешь меня стесняться?

– Может тебе что-нибудь снилось? – она зашла, и даже села на кромку моей огромной кровати.

– Не припоминаю, – задумался я, – мне кажется, это первый раз, когда мне ничего не снилось, хотя...

– Что?

– Лиза, я себя хорошо чувствую. Мой мозг начинает вспоминать о вчерашнем, а сердце улыбается, и так хорошо на душе...

– Ты думаешь, у тебя упал камень с души?

– Точно, именно так я бы и сказал. Но сколько их еще осталось.

– Ты уверен, что хочешь с этим продолжать? Ведь, насколько я тебя поняла, твой сосед не простил тебя.

– Ну и что? Зато я попросил у него прощения. Лично и чистосердечно. Знаешь, сколько это для меня стоит? Да, я хочу продолжать, до последнего. И будем делать, по-твоему. Ты – моя умница.

– Ну, нет, Джон, – задумалась Лиза, – вчера у тебя был эмоциональный срыв. И это – естественно. Помнишь, еще тогда, в клинике, наш профессор говорил давать тебе всего по чуть-чуть. А ты, как я вижу, рвешься в бой. Отдых! – заключила она.

– Лизонька, милая, ну пожалуйста. Я не смогу просидеть день дома. Давай хоть в мой банк съездим тогда, я хоть узнаю, что и как.

– У тебя все нормально, милый.

– А сколько у меня денег, ты знаешь?

– Да. Из твоего дела. Почти три миллиона.

У меня волосы встали дыбом.

– Но откуда?!

– Джон, тебе же говорили, твой бизнес процветает. Твоя мастерская существует уже много лет, и пользуется огромной популярностью. Ты – талант в технике. – Она посмотрела на мою реакцию. – Если хочешь, в виде исключения, можем съездить в полицейский участок за документами. Они тебе не помешают, а мне их не выдадут.

– Три миллиона, – не укладывалось у меня в голове, – теперь я понимаю, откуда у меня такой домище, и классная тачка. А в полицию съездим, спасибо тебе за разрешение.

– Только на моей машине, и я буду за рулем. – Выпала она.

– Хорошо, милая, а можно я тебя обниму? Просто так? У меня действительно прекрасное настроение, и я тебе жутко благодарен за все.

– Джон, я и так сижу в твоей спальне, на твоей кровати, и ты уже не мой пациент. Ты действительно этого хочешь?

– Извини, дорогая, ты права, я не хотел тебя обидеть, просто у меня так вырвалось.

Но она прилегла рядом, и обвила мою шею. Наверное, со стороны, эта картина выглядела однозначно, не хватало поцелуя, а может и того больше. Но у меня ничего такого

не возникало. Я просто наслаждался такую близостью, наслаждался чувствами, душевным комфортом, и исходящей от себя же благодарностью. И, мне казалось, что Лиза это почувствовала.

– Спасибо тебе, милый, – тихо сказала она. – Я и не сомневалась.

Мы понимали друг друга, и она мне становилась еще дороже. Единственный человек в этом мире, который мне доверял безгранично. Я просто не мог ответить иначе.

Вскоре мы уже выехали на голубой Тойоте, и двигались к центру. Я как всегда крутил головой по сторонам. Напротив полицейского участка был маленький, но приятный парк. Деревья давали изумительную тень, а в центре был даже маленький фонтанчик, хоть и без воды. Я вышел, пока Лиза парковала машину. Совсем недалеко, пацан лет десяти, пытался обломать ветку прекрасного куста, с ярко-желтыми цветами. Ему это уже почти удалось, но тут появился я.

– Дорогой ты мой, ему же больно, – я присел на корточки. – Зачем ты ломаешь такую красоту?

– А не пошел бы ты? – услышал я в ответ. – Вон идет мой батя, смывайся быстрее, пока не получил.

Я повернулся и увидел подходящего к нам громадного верзилу.

– Эй, – обратился он ко мне, – это – мой сын. Что тебе от него надо?

Я поднялся, и посмотрел ему в лицо. – Я просто попросил, чтобы он не ломал куст.

– А тебе какое дело? Ты что, садовник?

– Нет, но ему же больно.

– Кому? – не понял тот.

– Кусту, конечно. Если бы вам ломали руку или ногу, как бы вы себя чувствовали?

Верзила удивленно посмотрел сначала мне в лицо, потом по сторонам, и взял меня за грудки.

– Руку сломаю тебе я, а ты мне скажешь, что ты почувствуешь, – нагло сказал он.

– Вы не правы. – Я без страха смотрел ему в лицо, не отводя глаз. – К тому же, ваш сын смотрит на вас.

Я почувствовал удар, и из одного глаза посыпались искры. – Джон! – услышал я голос Лизы, и перед тем, как упасть, заметил бегущих к нам полицейских. Верзила бы успел бежать, но он был с сыном. Его скрутили и повели в участок. Лиза прикладывала мне что-то холодное к глазу, он пульсировал, и раздувался. – Что ты сделал?

– Ничего, милая, просто попросил пацана не ломать ту красивую бедную ветку.

– Боже, Джон, тебя нельзя оставить ни на секунду.

– Разве я был не прав? Ей же больно.

– Прав, Джон, прав, но теперь больно уже тебе.

– Зато я ее спас. Он не успел сломать ее. Мой глаз стоит этого.

Рядом стоял полицейский и наблюдал. – Нужна скорая, мисс?

– Нет, что вы! – ответил я за Лизу, – из-за таких пустяков поднимать людей? На дорогах пробки, причем стоит такая жара.

– Не обращайтесь на него внимания, – вступила Лиза, – сейчас мы придем в отделение.

– Ничего, я подожду.

Я встал на ноги. Голова немного кружилась, но глаз перестал пухнуть.

– Будет синяк, – просто сказал я. – Идемте. Я уже в порядке.

Лиза взяла меня под руку, и мы пошли в отделение. Не знаю, когда она успела, и сколько времени прошло, но ее знакомый адвокат уже был внутри. Нас провели в отдельную комнату, и попросили меня написать заявление.

– Какое заявление? – не понял я.

– На того жлоба, – пояснил адвокат. – К сожалению, на его сына не получится.

– А зачем? – удивился я.

– Его накажут, – просто пояснил адвокат. – Причем неплохо накажут. С вас снимут побои, есть свидетели. Дело простое.

– Но я не хочу, что бы его наказывали, – запротестовал я, – его могут посадить, и сын на время останется без отца.

У адвоката отвалилась челюсть. Он встал, вышел и вернулся с Лизой.

– Лиза, – попросил я, – пусть меня отпустят. И того тоже. Я не буду ничего писать.

Она была уже в курсе дела, адвокат успел объяснить ситуацию.

– Гарри, наверное, ты не поймешь, но лучше закрыть это все. Просто я его знаю. Не обижайся, я так тебе благодарна за приезд.

– Но ведь это простейшее дело, – удивленно пожал плечами тот, – если не наказывать таких, то к чему мы придем?

– Ты прав, ты полностью прав. Только тут особый случай, поверь мне.

Адвокат опять пожал плечами.

– Лиза, я тебя знаю столько лет. Тебе не кажется, что твоему подопечному место в другом отделении, не в полицейском?

– Все нормально, Гарри, положишься на меня. И еще раз спасибо.

– Ладно, мне то что. Раз вы так решили, пойду, скажу, чтобы его выпустили.

– Передайте ему, что я не обижаюсь, – добавил я, – только попросите, чтобы его сын больше не ломал растения. – Адвокат вышел, хлопнув дверью немного сильнее обычного.

Полиция была не на моей стороне. На меня все косились, но документы я все-таки получил. Лиза сделала все, чтобы мы быстрее уехали.

– Джон, я прикую тебя к себе наручниками, – сказала она уже в машине.

– Дорогая, разве ты бы не вмешалась, если на твоих глазах от нечего делать ломают живой, да еще такой прекрасный куст?

– А заявление?

– Он сам себя накажет, поверь мне. Я это уже понял и ты это видишь. За все, что я кому-то сделал, я теперь расплачиваюсь. Извиняюсь, прошу прощения. Так будет и с ним. А если его посадят, у него появится злоба, сын останется на время без отца, что в этом хорошего? – Не навреди, – сказала мне Марта.

– Но навредили ведь тебе?

– Пустяки, синяк за неделю пройдет. Зато куст спасен, а сын не останется без отца.

– Я не знаю Марту, хотя слова она тебе сказала хорошие, но... как тебе объяснить, в этом случае я больше на стороне Гарри, чем на твоей. Хотя, твою логику я уже научилась пытаться понимать, но так до конца и не поняла. Ты что, хочешь быть вторым Христом?

– Нет, милая. Я хочу быть самим собой. Не волнуйся и будь на стороне Гарри, я же тебе говорил, мнение каждого по-своему ценно. Я все равно тебя люблю.

Глава 16. Нирвана

Лиза резко затормозила, и уткнулась головой в руль.

– Джон, я могу все понять, но не так быстро. Я поняла тебя сегодня утром, то есть уже днем. Ты мне можешь объяснить твою последнюю фразу?

– А что я такого сказал? – удивился я. – То, что я тебя люблю? А что, я разве тебе этого никогда не говорил?

– Джон...

– Я тебя не просто люблю, а очень. Я люблю Стива, за то, что он хороший, и помогал мне от чистого сердца. Тот спасенный куст я тоже люблю. Как его можно не любить, ведь он такой хороший, и дарит нам всем бесплатно свою красоту. Люблю нашего профессора...

– А кого ты не любишь, Джон? – с ноткой ехидства спросила Лиза.

– Наверное, только себя. – Подумав, ответил я. – Но когда все кончится, я и себя полюблю.

– Джон, – она вздохнула и вытерла пот со лба, – я женщина, а ты мужчина. Только что ты сказал, что ты меня любишь. Как прикажешь мне это понимать, а?

– А причем здесь пол? – удивился я. – Просто, я сказал, что я тебя очень люблю. Странно, что я не говорил тебе этого раньше, хотя я любил тебя при каждом твоём посещении моей палаты, то есть меня. А с каждым днем я люблю тебя все больше и больше.

– Боже, – взмолилась она, – дай мне силы понять его логику. Дай ему силы, понять мою, нашу, человеческую логику. Поехали.

Мы тронулись дальше и благополучно въехали в ворота моего дома. Я считал его уже нашим, ведь мы жили в нем на одинаковых правах.

Наверное, когда я спал сегодня утром, Лиза ходила или съездила в магазин. Сейчас она накрывала стол, и я восхищался ею. Все блюда были исключительно из овощей, мяса и в помине не было. В бутылках была только минеральная вода, даже без вкусовых добавок. Я подошел к ней и мягко поцеловал ее в щеку.

– Джон, – она вдруг заплакала, – прекрати, я не могу так. Я не успеваю разобраться с одним, как ты... прости меня, я вижу, что я слабая женщина. Умственно слабая. Мне приятно на сердце, когда ты меня обнимаешь, говоришь слова любви, и даже уже целуешь. Но мой разум просто не успевает объяснить мне происходящее. Например, зачем ты меня сейчас поцеловал.

– Милая, успокойся. – Мне стало грустно за ее слезы. – Я больше не буду, я не хочу, чтобы ты плакала. У меня просто все вырывается из сердца, или из души. Я не знал, как можно тебя отблагодарить за такое ко мне внимание. Вот у меня и появился импульс, такой же чистоты как эта вода в бутылке, и я поцеловал тебя, думая, что хоть этим смогу как-то выразить свою благодарность. Разве ты этого не почувствовала?

Лиза взяла меня за руку, подвела к дивану и усадила.

– Джон, было время, когда я тебе помогала. Причем от чистого сердца. Сейчас мне нужна твоя помощь, понимаешь?

– Милая, да что ты такое говоришь? – удивился я. – Чтобы я тебе не помог?

– Нет, мне нужна особая помощь. – Она собиралась с мыслями. – Мы можем с тобой поговорить откровенно, начистоту, как взрослый с взрослым...

– А что, разве мы так не разговариваем? – удивился я.

– Я хочу попросить тебя об особом для меня разговоре. Чтобы ты не думал о моих вопросах, а только отвечал как всегда: честно и от сердца. И просто отвечал, словами, не вопросом на вопрос.

– Лиза, задавай мне любые вопросы. Я немного чего-то не понимаю, но обещаю, что мои ответы будут чистосердечными.

– Ладно, – она задумалась. – Что ты чувствовал, когда сегодня утром меня обнял, вернее, обняла тебя я?

– Теплоту, покой, благодарность, нежность....

– А как мужчина? – Она спрятала глаза.

– Как мужчина, конечно же. Я ведь не женщина.

Лиза вздохнула.

– У тебя появилось какое-нибудь мужское чувство... типа физического желания, ... ну, ты же понимаешь.

– Даже не знаю. Я как-то об этом не думал.

– У тебя не появилась эрекция? – выпалила она.

– Убей меня, но я не помню. Хотя начинаю понимать, куда ты ведешь. Физически, мне хотелось обнять тебя еще крепче.... Вот, наверное, и все.

– А поцелуй? Тебе никогда не хотелось поцеловать меня в губы?

– А какая разница куда? Ой, извини за вопрос, – вспомнил я. – Мне просто хотелось через поцелуй выразить свои чувства. А куда целовать, для меня не было так важно.

– А ты, случайно, не импотент? – извини за такие вопросы, и не обижайся, милый.

– Не думаю, – честно сказал я. – Я не обижаюсь, и понимаю, куда ты клонишь. Только у меня на первом месте всегда стоят чувства, они управляют мной, и я благодарен своему сердцу, и душе тоже. Сознание немного отстает, но оно не решает, а просто дает советы. Мне кажется, что тебе каким-то образом надо меня понять. Тогда все твои вопросы отпадут сами собой.

– Ну а если бы мы спали вместе, тебя бы не потянуло ко мне?

– Конечно да. Еще как. Я бы обнял тебя крепко-крепко, и проспал бы, наверное, сутки.

– А секс?

– А разве это важно? – Ой, прости меня за вопрос. – Я даже не знаю, что тебе ответить. Честно не знаю. Для меня секс, это как заключительное излияние души. Если душа довольна, блаженствует, находится в полном покое, то для усиления можно иметь и секс.

– То есть, можно его и не иметь?

– Конечно. Разве он может дать что-либо сильнее, чем то, что ты получаешь в душе?

– Значит, если ты будешь спать в постели с женщиной, у тебя не будет секса? Тебе его не захочется?

– Во-первых, смотря с какой женщиной, и как сильно ее воспринимает мое сердце. Это – главная база. А во-вторых, если она попросит, или я почувствую, что ей хочется удовлетвориться, я ей помогу.

– Попросит?! А ты не попросишь?

– А зачем, если первого уже вполне для меня достаточно. Ну, пойми, ты вышла в сад, чтобы нарвать красивый букет роз. Ты их срезала, ты довольна и счастлива такой красотой, таким букетом, твое желание исполнилось. И вдруг, ты замечаешь, что не заметила одну розу. Срежешь ли ты ее или нет? Извини, но тут я не могу без вопроса. Когда ты сама себе на него ответишь, ты ответишь и за меня. Наши ответы совпадут, не сомневайся.

Лиза глубоко задумалась. Прошло минут пять, но я тоже молчал.

– Джон, я всегда тебе верила. И всегда была честна с тобой. Я буду такой же и до конца. Мне кажется, что в данный момент я тебе не верю. И я хочу, чтобы ты об этом знал. Об этом моем сомнении. Да, я вижу, что ты из другого мира, что мне часто трудно угнаться за твоей логикой. Но сейчас я просто не вижу, как в этом вопросе эту твою логику можно понять. Убей меня, но я не знаю. Хочется тебе верить, но не могу. Извини, милый.

Мне стало грустно. Это был единственный раз, когда она честно заявила, что не верит мне.

– Лиза, это, вот все это про секс, поцелуи, и... ну ты меня понимаешь, так важны для тебя?

– В настоящий момент да, Джон. Может быть, придет время, когда я буду понимать тебя сразу, а может даже и думать и жить твоим мышлением, но не сейчас. Мне важны не сами поцелуи или секс, а истинный исток, где они рождаются у тебя и для чего. У тебя есть тело, и у меня. Все органы несут свою функцию, если они не больны. В твоём случае, ты вообще считаешь тело, и его органы, каким-то довеском. Но если бы его не было, тела, то и тебя бы здесь не было тоже. И мы бы просто с тобой сейчас не сидели вместе. Даже, если бы отказал хоть один твой какой-нибудь важный орган. В это я верю.

– Лиза, а я вот сам думаю над своим же вопросом. Если бы я добавил в букет ту, последнюю, не срезанную розу, букет действительно был бы красивее, только это бы не бросалось в глаза, ведь основной букет уже сформирован. Но эта роза, незаметно, но украсила бы его. Да, я в этом уверен.

Наступило молчание. Каждый думал о своем.

– Как мне понять Марту? Она говорила, что у меня в тот момент не было тела. Но я чувствовал, что это не имеет для нее значения. Однако, в своих заповедях, она же сказала, что надо любить и заботиться о своем теле. Как ее понимать? Да, я люблю и забочусь о своем теле, я принял эту ее заповедь на веру, и следую ей. Но тогда, даже без тела, я чувствовал такой покой, такую эйфорию, безмятежность и... не знаю, как назвать, что вспоминая это, меня пронзает маленькая, но изумительно приятная дрожь. Хочешь, будем спать вместе?

Я сказал это безрассудно. И этим добил Лизу, наповал. У нее открылся рот, и не закрывался несколько минут. Я видел, как участилось ее дыхание, и чувствовал, что она не знает, что сказать.

– Извини милая, я пошутил. – Попытался я исправить свою ошибку. – Давай к столу, он прекрасен. Только ты могла создать такое чудо.

Лиза следила за мной взглядом, не закрывая рта.

– Гарри был прав, – наконец вымолвила она, – насчет психушки. Но я не уверена, для кого бы она была нужнее. Извини милый, пока я еще не сошла с ума, я поднимусь и поговорю с нашим психиатром.

Она поднялась наверх, и скрылась в своей комнате.

– Лиза, ты мой ангел-хранитель, – подумал я про себя, – какая удача встретить тебя на пути. Я бы не отпустил тебя никогда. Ты хороша, нет, ты прекрасна.

Ели мы молча. Лиза, конечно, не упомянула ничего, что ей сказал профессор. Но я чувствовал, что наступившая тишина – это результат нашего внутреннего дисбаланса. Именно нашего, а не ее или моего. Как это исправить я не знал. Видимо и она это чувствовала, а может даже думала о том же.

Мне ничего не оставалось, как пожелать ей после ужина спокойной ночи, и не подняться к себе в спальню. Может там, я получу хоть какой-то совет. Я лег, но спать не хотелось. Я ворочался час, но так и не уснул. Я представлял Марту, но она мне ничего не говорила, как и мое сердце, и моя душа. Это был первый мой серьезный тупик. Я стоял перед стеной, упершись в нее головой, и не имея понятия, как мне очутиться на той стороне.

Внезапно моя дверь открылась и кто-то включил свет. Передо мной стояла Лиза в прозрачном пеньюаре. Она была прекрасна, просто не из мира сего. Я понял, что это сон. Лиза скинула все и юркнула ко мне под одеяло. Я обнимал ее, боясь задушить. Не знаю, чувствовал ли я ее тело, но, кажется да. Мое сердце выскакивало, но не просто из тела. Оно рвалось к ее сердцу, которое я чувствовал совсем рядом, ближе некуда. Мои глаза просили меня утопить их в ее зрачках. Мозг, даже сам мозг, переваливался в лобовую часть, которой я упи-

рался в ее же голову. Он хотел к ней. Все, что я имел и чувствовал, рвалось к ней. Я понял, что не смогу это все удержать, расслабился и отпустил. То, что на меня хлынуло, нельзя было описать. Назвать это просто nirvanой, или блаженством, было бы сухо и оскорбительно. Я никогда такого не испытывал, даже в парке на том свете. Я перестал что-либо понимать и тонул. В страсти, в любви, в покое и блаженстве. Мой разум отключался, а я просил его подождать хоть еще пару минут...

Проснулся я от того, что Лиза встала. Она надевала пеньюар. Я протер глаза, но это был не сон. Даже свет не был выключен.

– Джон, – улыбнулась она мне ангельской улыбкой, – ты хоть помнишь, что было?

Я задумался.

– Какая разница, – улыбнулся я тоже, – я знаю только одно, что такого я не испытывал никогда в моей жизни.

– Знаешь, милый, мне казалось, что в кровати было что-то одно, не знаю, тело или нет, но одно. Оно состояло из нас. Мы слились воедино, и прекрасней этого ничего быть просто не может. Боже, если бы это было нескончаемым. Все равно где. В этой кровати, в психушке или тюрьме, на том или этом свете, но только вдвоем. Я чувствовала себя твоей частью, себя в тебе, и тебя в себе. Все чувства слились воедино. Я не знаю, как ты смог это сделать, но это было.

– Я тебе верю, – прошептал я, – я чувствовал то же самое. Слово в слово, как ты только что сказала. Я ничего с тобой не делал. Все оно произошло само, я просто не мог этого представить, что такое может быть.

– Мой дорогой, я все поняла, и нашла ответ. Вернее, я ничего не поняла, но все почувствовала. Извини меня, ты был прав вчера, и я тебе верю. Я себя сейчас странно чувствую, видя, что ты там, а я – здесь. Ночью было все иначе. Не надо было ничего говорить. Я сяду, у меня все дрожит, но как приятна эта дрожь! – Она опустилась на кровать.

Я закрыл глаза, и сразу почувствовал точно такую же дрожь.

– Лиза, – прошептал я, – может мы сейчас не рядом, но мы продолжаем быть одним целым. – Мы даже дрожим одновременно и одинаково сладко.

– Я тоже это чувствую, – услышал я ее отдаленный голос, и провалился в какой-то сон.

Глава 17. Мастерская

Я очнулся, или проснулся, но Лизы рядом не было. Спустившись вниз, я застал ее за приготовление завтрака. Увидев меня, у нее из рук упала чашка и разбилась.

– К счастью! – улыбнулся я. – Я подошел к ней и обнял. Она нежно меня поцеловала.

– Джон, мы только что поблагодарили друг друга за прошедшую ночь. Какая прекрасная форма!

– А у нас что-то было? – с усмешкой спросил я.

– Не издевайся, – ее голос прозвучал с легкой укоризной, – я уже извинилась за вчерашнее. Какая разница, ведь букет ты мне подарил, и прекраснее его нет на белом свете. А сколько в нем роз – пусть это останется нашей тайной.

– Тебе не кажется, что наши отношения перешли на какую-то новую и прекрасную стадию?

– Кажется? Мне просто стало так легко, не надо ничего понимать, ни в чем разбираться. Надо жить сердцем, а оно неисчерпаемо и прекрасно.

– Я рад за нас, – улыбнулся я и мягко поцеловал ее в лоб.

Позавтракав, мы разговаривали о планах.

– Лиза, – вспомнил я, – а как же твоя работа, диссертация? Ведь ты все время со мной.

– Забудь, милый. У меня отпуск, пока на два месяца, хотя один из них без содержания.

– Можно я буду тебя содержать все месяцы или года твоего отпуска?

– Не надо о материальном, – попросила она, но улыбнулась. – Кстати, Джон, я рассказала тебе все о себе, но не услышала ни одного комментария. Например, по возрасту.

– И не услышишь. Твои данные меня просто не интересуют. Меня интересуешь лично ты, как человек с душой и сердцем. Хотя ты выглядишь лет на десять моложе.

– Спасибо, дорогой, комплименты для женщины были и остаются приятными в любых отношениях.

– А комплименты в мою сторону мне портят настроение, – заявил я.

– Буду знать. Будешь просить, но не добьешься, – опять улыбнулась она.

– Так что ты нам сегодня разрешишь?

– Только не семья. Ее мы оставим на потом, – уже серьезно сказала Лиза. – Хочешь съездить в мастерскую?

– Давай. Только заедем в банк, надо снять хоть немного наличных.

– Только я все время буду держать тебя за руку, как маленького ребенка.

Я улыбнулся. – Я немного волнуюсь, ведь я не смогу поговорить только с одним работником, надо разговаривать с каждым.

– Милый, я бы посоветовала тебе собрать всех, и поговорить. К сожалению, никто не поверит ни в твою искренность, ни в твои слова. Сразу. Поэтому нет смысла растягивать. Как ты думаешь?

Я согласился. Моя умница ею была и оставалась.

Мы заехали в банк, причем Лиза действительно ухватила мою руку, как только я вылез из машины. И отпустила ее лишь, когда мы вернулись. Не знаю, как это выглядело со стороны, но мне было все равно. К мастерской мы подъехали уже к обеду, но встали метров за двадцать. Она была огромна и занимала почти весь квартал. Тут же находился и ангар, куда складывали всякую рухлядь. Слышались веселые разговоры, и даже смех.

Мое появление с Лизой сразу же привело к гробовому молчанию. Это был как удар молнии. Я сразу же заметил, что все подъемники были заняты, значит, работы хватало всем. Механики стояли, молча, повернувшись к нам. Я подошел к каждому и пожал руку. Некоторые стеснялись мне ее подавать, ведь они были в масле и грязи. Но я терпеливо ждал,

а потом все-таки пожимал. Откуда-то появился менеджер, это был единственный человек, которого я не выгнал за много лет. Во-первых, он был отличным специалистом, и доказал это. Потом, мне надо было кого-то оставлять, когда я отлучался, и я оставлял его. В конце концов, я перевел его на бумажную работу. Он составлял счета, оформлял заказы и следил за их своевременным исполнением. Нет, я не делал ему исключений, относился, как и ко всем, но он выдерживал. Джимми, мой менеджер подал мне чистое полотенце, и я вытер руки. Кого я не видел, так это бухгалтера, но тот всегда сидел в своей конуре.

– Здравствуйтесь, дорогие мои! – сказал я открытым, и действительно радостным голосом.

Все произнесли ответное приветствие, но лица оставались такими же хмурыми.

– Я попрошу вас всех, до единого, пройти в мой кабинет, и прихватите стулья, я не хочу, чтобы кто-нибудь стоял.

Все тронулись с места, а я увидел на одном подъемнике новенький Лексус, а на другом – Феррари. Это значило, что дела идут как нельзя лучше. Тем временем Лиза рассматривала мастерскую. Все было идеально чисто, все инструменты, до единого, находились на своих местах, ни одного брошенного.

– Ну и дисциплина у тебя! – восхитилась она.

Мы прошли в мой кабинет. По дороге я поприветствовал бухгалтера, и отметил, что в кабинете стоял еще один стул, для Лизы. Все уже были там, и о чем-то перешептывались.

Я занял свое кресло и сказал:

– Мои дорогие, я действительно очень рад вас всех видеть. – Я встал. – Первое, чтобы я хотел сделать, это принести свои искренние извинения каждому из вас, за то, как я к вам относился. – Мой голос дрогнул, но я заметил, что все смотрели на меня с тем же страхом.

– Хочу попросить вас, каждого из вас, поверить мне, или просто попытаться это сделать. Я полностью изменился, и очень сожалею за то, каким я был.

Никто не отреагировал. Я так и знал.

– Джимми, как идут дела?

– Отлично сэр. Не справляемся с заказами. А выполненными, – все клиенты остались довольны.

– Проблемы?

– Никаких. Кроме... У Феррари что-то с задним приводом. Не можем понять. Вы сами знаете, что Феррари нам еще не отдавали.

– Кто работает с ней?

– Я, – поднялся Сэм, пожилой механик с большим опытом.

– Потом мы с тобой посмотрим, – сказал я. – А теперь для всех. Я буду редко здесь появляться, если только не буду вам нужен, ... – Я вдруг почувствовал, или услышал облегченный вдох всех присутствующих. – Оставляю Джимми на моем месте, он справится. И еще. Поднимаю всем зарплату на тридцать процентов. Джимми, тебе и бухгалтеру тоже. Ник, – я обратился к бухгалтеру, повышение зарплаты всем с момента моего отсутствия.

Все загудели, но сразу стихли.

– Джимми, освободишь ангар с рухлядью, и откроешь еще один цех. Купишь новые подъемники. Цех должен работать не позднее, чем через две недели. И еще. – Я взял список у Лизы, и передал его бухгалтеру.

– Ник, тебе особое поручение. Это – список уволенных за последний год. Знаю, он большой. Вместе с Джимми просмотрите его. Ошибочно уволенных мною, а это почти все, объедете, пожалуйста, лично. Прошу вас, принесите от моего имени мои личные извинения, и пригласите вернуться. Да, на новую зарплату. И скажите, что если они появятся, я перед каждым извинюсь лично. Я наделал дел, мне и отвечать. И я отвечу. Только оставьте мне Ринго, я сам к нему съезжу.

Гул появился опять и сразу стих.

– Есть вопросы?

Поднялся Сэм, который ремонтировал Феррари.

– Сэр, есть надежда, что мы будем продолжать работать? – робко спросил он. – То есть, что над каждым не висит меч увольнения?

– Ребята, – просто попросил я, – ну поверьте мне, пожалуйста. Я уже не тот, я изменился, и никаких угроз от меня не будет. Я даже попросил у вас прощение, и, надеюсь, что хоть со временем кто-то меня сможет простить. Конечно, работайте спокойно. Увольнение может быть только за плохую работу или дисциплину. По-честному, не так, как раньше. – Мне казалось, что выражения лиц стало мягче. – Сэм, пошли, посмотрим Феррари и я уезжаю. Джимми, держи меня в курсе, телефон мой ты знаешь. Ник, деньги на счету есть, хватит на все. Не экономь, ну и конечно не трать впустую. Остальным я желаю всего самого лучшего, от души. Спасибо за вашу хорошую работу, надеюсь, что так и будет продолжаться. И последнее. Я не обижаюсь ни на одного из вас, что никто не позвонил в больницу, чтобы опознать меня. Я простил всех, и хочу, чтобы и вы хоть немного простили меня.

Чувствуя, что подходит слеза, я встал и первым вышел из кабинета. – Ты просто молодец, Джон. – Услышал я Лизин голос. – Молодец. Они не могут не простить тебя. Не сразу, но простят.

Меня нагонял Сэм. Мы подошли к Феррари, и он объяснил, в чем проблема. Не знаю как, но автоматически я объяснил ему как ее решить, причем терминами, которые вспоминались по ходу. Тот остался стоять с открытым ртом, а мы с Лизой уже садились в машину.

– Джон, ты все сказал от души. Но я почувствовала и твой талант организатора, то есть лидера. И то, что ты разбираешься в своем деле тоже.

– Спасибо, милая, – вздохнул я, – у меня не то, что камень, а груда свалилась с души. Надеюсь, ты мне позволишь съездить к Ринго? Ну, прошу тебя. Тогда день будет закрыт. У меня с ним свои счета. И мне не надо твое предварительное с ним собеседование. Он живет на улице, и у него нет двери, чтобы захлопнуть ее перед моим носом.

Мы ехали на окраину города. Кварталы беднели на глазах. Наконец, мы остановились у кучки стоящих парней. Вид у них был еще тот. Я открыл свое окно.

– Ребята, помогите найти Ринго, такой белобрысый парень, пожалуйста.

– Копы? – К окну подошел тучный негр с золотой цепочкой на шее.

– Нет, просто старый знакомый, – искренне сказал я.

Он внимательно посмотрел на меня, и, согнувшись, оглядел и Лизу.

– На следующем квартале, на середине, по этой же стороне, – сказал он и отошел.

Мы доехали до начала следующего квартала и Лиза остановилась.

– Милая, я буду в пределах видимости, только не ходи со мной, – попросил я, – закройся, это – еще тот район.

– Ты уверен, Джон? – в ее глазах резко выделялся страх. Страх за меня.

– Все будет хорошо, вот увидишь, – успокоил я, хотя самому было немного не по себе.

– Ладно, но если что, я сразу вызываю полицию.

Я вышел и пошел пешком. Я сразу узнал Ринго, он просто сидел на асфальте, опершись на стену. Я присел рядом.

– Джон, сволочь, что ты здесь делаешь? – процедил он сквозь зубы, даже не глядя на меня.

– Приехал извиниться, Ринго. От самого сердца. Извиниться за все, что я тебе сделал. Знаю, ты не простишь мне этого никогда, но я хочу, чтобы ты знал, я стал совсем другим.

– Джон, тебе не надо было ко мне приезжать. Те парни не выпустят тебя, а я буду их первым помощником.

– Я не боюсь, никого и ничего. Просто прости, если сможешь.

– Простить? – тут он с ненавистью посмотрел на меня. Что по твоей вине у меня нет жилья, семьи, даже на еду не хватает, воровать приходится. Это можно простить? Я взял тогда десять тысяч и план на жилье. Мы даже уже заселились. Что тебе говорить, ты был последней тварью, и такой же и останешься. Простить, – усмехнулся он.

– Ринго, я открываю новый цех, и повысил всем зарплату на тридцать процентов. Ты там нужен. И меня там не будет, обещаю.

– Да пошел ты! Кто-нибудь тебе верит? Пойти к тебе, и быть выгнанным как собака, за долларовый дерьмовый ключ, через два дня? Нет уж, Джон, пусть я здесь сдохну, но твою поганую рожу я не хочу видеть даже во сне.

– И еще, – спокойно продолжал я, и вытаскивал чековую книжку, – вот тебе чек на двадцать тысяч. Это не в долг, это я тебе должен. Прошу возьми его, а там делай, как хочешь. Он действительно принадлежит тебе. Я положил чек рядом, прямо на асфальт.

– Засунь его себе в... Ты знаешь куда, Джон.

– Прости, Ринго, – я поднялся, и, оставив чек на асфальте, пошел к машине. Да не тут-то было. Меня уже ждали. Те же парни, что показали мне Ринго. Хуже всего было то, что они разбили стекло Лизы. И, у ее горла держали нож. Я дошел до машины, пока не наткнулся на того же тучного негра. За спину мне встало еще двое. И один с боку.

– Слушай, – сказал он мне, – вы зря сюда приехали. Нам нравится машина, да и девчонка ничего. Все классно, вот только денег не хватает. Я вот думаю, отпустить тебя, или...

– Я не боюсь, – смело и честно сказал я, глядя ему в глаза, – я только что вернулся с того света, посмотри на мою голову. – Я склонил ее, чтобы были видны рубцы. – Не веришь? А это? – Я разорвал рубашку и оголил торс. У меня уже нет одного легкого и одной почки. А это? – Я расстегнул и спустил брюки. – На, смотри, да, переломаны все кости, до единой. И ты, после этого думаешь, что я испугаюсь? Кого мне бояться, вас?! Нет, мой дорогой, я уже никого не боюсь. К тому же, ты помог мне с Ринго, и я тебе благодарен. Спасибо, я нашел его, он мне был очень нужен. Значит, ты хороший мужик, и мне нравишься. Жизнь заставляет тебя быть таким, и их тоже. Вы не виноваты. А насчет денег – вот тебе десятка за помощь. – Я натянул брюки и дал ему смятую бумажку. – Отпусти ее, – попросил я.

Негр оцепенело, стоял. Другие смотрели на него, он был вожаком, и от него зависело все. Он посмотрел на бумажку, и даже развернул ее. – Макс! – услышал я голос Ринго, тот шел к нам, – если тебе нужна моя помощь...

– Закрой рот, Ринго, и иди на свое место, – буркнул негр. Он еще раз посмотрел на меня, но глаз я не отводил. – Странный ты мужик, – наконец вымолвил он, – да видно сегодня твой день. Сваливай. И выздоравливай. – Лысый, оставь девчонку, пусть едут. Он заплатил.

Я сел на сиденье, и почувствовал, как Лиза дрожала.

– Поехали, милая, или хочешь, я поведу?

Машина завелась и мы поехали. Проезжая Ринго, я увидел выставленный средний палец. Но чека на асфальте не было.

Наверное, только дома Лиза, наконец, успокоилась.

– Ты заколдован, Джон, – сказала она, – не знаю как, но мы выжили. Такие ребята просто так не отпускают.

– Нормальные ребята, Лиза, и с ними надо быть по нормальному. Внутри ведь они хорошие, а то, что жизнь заставляет их быть такими, – это не их вина. Хотя каждый из них, имея сильное желание, смог бы из этого выпутаться.

– Ты еще скажи, что и их любишь, – буркнула она.

– Скажу. А почему бы и нет? У них что, другое ДНК? Лучше нашего, а? Конечно, я не люблю их как тебя, но они хорошие.

– Боже, Джон, если ты и не Иисус Христос, то явно из его окружения. Я до сих пор не могу понять, что ты ему сказал, что нас отпустили?

– А ты – Мария Магдалена, – улыбнулся я, – если я Иисус.

– Ты все шутишь... По тебе даже не видно, что ты испугался.

– Испугался, милая, не скрою. Но только за тебя. Хочешь еще один букет?

– Конечно, милый, – та расплылась, но грустно, – но мне кажется, что такие букеты не повторяются.

– Конечно, нет, но всегда есть еще лучшие... Кстати, ты заметила, что я развел костер во дворе?

– Да, а что?

– У меня к тебе большая просьба. Кинь в него те кассеты, которые уже не нужны. Это тоже облегчит мне душу.

– Конечно, милый, какой ты молодец, я уже и забыла.

Вечер прошел в разговорах, но я заметил, что Лиза при приближении ночи немного нервничала. Не трудно было догадаться из-за чего. Мы поужинали.

– Милая, откуда ты так прекрасно готовишь? Ведь ты живешь одна.

– Жила одна. Сейчас вместе. – Она посмотрела на меня. – Это меня мама научила. Конечно, для себя я ничего не готовила, а вот для нас – даже приятно.

– Кстати, пока еще не совсем стемнело. Давай провернем сегодня и горничных из списка, хотя бы тех, кто живет совсем рядом. Такому дому нужна уборка, я а не хочу, чтобы ты тратила время не на меня, а на половую тряпку.

– Но готовку я оставлю за собой, Джон.

– Получилось! Ты даже мне разрешила еще пару дел. И пару камней с души. Давай, просто пойдем вместе. По-моему, кто—то был совсем рядом.

– Что с тобой сделаешь, – улыбнулась она. – Но ты же у меня сегодня герой, а им девушки не отказывают.

Действительно, две уволенные кода-то мною горничные жили буквально под носом. Обе были дома, и, с трудом, мне удалось хоть извиниться. Но и, конечно, пригласить обратно, на хорошее жалование. Хотя обе меня мягко послали, у меня все-таки осталась надежда, что хоть одна из них объявится, только не знаю когда.

– Ты молодец, Джон, костер еще тлеет, и две пленки еще успеют сгореть. А насчет сроков – не беспокойся. Я – не белоручка, и не такой уж для меня это труд. К тому же, ты не заметил, что я стараюсь все делать, когда ты спишь?

– Конечно, заметил. Но даже во сне я чувствую, что тебя нет рядом.

Спать мы поднялись вместе. На этот раз, не забыв выключить свет. Разум явно меня жалел. Он дал мне больше времени, чем вчера, ощутить бескрайнюю душевную благодать, за что я его просто благодарил, но и не переставал умолять о большем. Две половинки, опять слились в единое целое. Но на этот раз, никто ничего не боялся, и букет был прекрасен до умопомрачения. Не помню, но, по-моему, все цветы были срезаны, на кусте не оставалось ни одного.

Глава 18. Поиски

– Джон, – шепнула Лиза, когда я проснулся, и увидел ее с собой рядом. Она лежала и просто смотрела в потолок. – Я схожу с ума. Первый раз в жизни я просто не могу подняться. Я даже не приготовила завтрак. Меня трясет и колотит.

– Ты не заболела? – склонился я над ней.

– Да, именно так. Только тобой. Или твоей сумасшедшей энергетикой. Откуда у тебя ее столько, и как тебе это все удается?

– Милая, я ничего не делаю. Наоборот, я чувствую, что что-то невероятное делается со мной. У меня тоже все дрожит. Давай, полежим просто так? Завтрак никуда не денется.

– А если я сойду с ума? – продолжала она.

– Тогда мы оба будем сумасшедшими. И нам будет еще лучше вместе.

– Тогда, скорее бы.

Молча повалившись около часа, мы, наконец, встали. Лиза пошла, готовить завтрак, а я – косить траву. Обычно, я кого-нибудь нанимал, первого встречного. Но пока свои услуги не предложил никто. В дверь позвонили.

Я поспешил в дом. Мы с Лизой открыли дверь и увидели пожилую женщину, которая у меня работала по дому, и к которой мы ходили вчера. Она мялась, и не могла начать.

– Проходите, – предложил ей я. Неуверенно, но она прошла.

– Мистер Джон, – наконец, решилась она, – я хотела бы попробовать. Мне действительно нужна работа, а кроме вас мне ее никто не предлагает, и везде мне отказывают. Наверное, из-за моего возраста.

– Люсия, – вспомнил я ее имя, – мне действительно нужна горничная, для уборки. Только скажите мне честно, хоть на каплю, но вы мне поверили?

– Я бы не пришла в противном случае, – вздохнула она.

Я, и, наверное, и Лиза, понимали ее. Бедной женщине просто некуда было деваться. Но, хоть на какой-нибудь грамм, она поверила в мою искренность. А для меня это уже была победа. Я не ждал полного прощения, и не строил никаких иллюзий. Но она была первой из всех, кто пришел сам. Конечно, важнее всех мне были мои родные, но до них еще не пришло время.

Лиза смотрела на меня, и я понял ее взгляд.

– Люсия, вы уже знаете мой дом. Это – Лиза, она тоже в нем живет, как и я. Готовку она берет на себя, а вам остается только уборка.

Наверное, она заметила, что мои штаны были заляпаны только что покошенной травой.

– Я могу и косить, и вообще следить за участком. Жизнь всему научила.

– Вас устраивает зарплата? Я ведь ее вчера вам назвал?

– Конечно, такой я нигде не найду. Вот только...

– Ну, говорите же. А, – понял я, – дело во мне. Тогда я вам вот что предложу. Вы даете испытательный срок мне, а я вам. Я не обижаюсь за ваше недоверие.

– Тогда можно начинать? – спросила она.

Я посмотрел на Лизу.

– Чтобы вам было удобней, договаривайтесь обо всем с Лизой. Она – мой лучший друг, и доверяю я ей как себе.

– Конечно, Люсия. – Сразу согласилась Лиза. – Только зовите меня просто, без всяких мисс. Ладно?

Этот вариант явно понравился женщине, и она сразу приступила. Работы было куча. Некоторые комнаты были еще законсервированы, то есть, за последние месяцы туда не сту-

пала нога человека. Газонокосилка лежала на лужайке. Бедная Люсия не знала с чего начать. Но, оставив нас вдвоем, она пошла, заканчивать мою работу.

Мы позавтракали, и я сел просматривать список. Многие имена и фамилии, с адресами, были уже вычеркнуты. Напротив уволенных из мастерской стоял вопрос, кроме Ринго. Меня, естественно, тянуло к первым в списке, но я знал, что пока Лиза мне этого не позволит. Оставался только сосед с другой стороны. Но я взялся за телефонную трубку и позвонил в мастерскую.

– Мистер Джон, – Джимми был на месте, – только что хотел вам звонить. Вчера, после вашего отъезда, мы с Ником решили в первую очередь объехать уволенных. Мне показалось, что именно из них вы хотели бы укомплектовать новый цех, – голос звучал неуверенно, как бы спрашивая моего одобрения.

– Да, Джимми, ты прав, и что?

– В списке было двадцать семь человек. Мы отобрали пятнадцать, самых ценных. Но объехали, разделившись, конечно, всех двадцать семь. Последнего мы посетили в десять вечера, поэтому я не хотел вам звонить ночью. Один из списка, восьмой номер, только недавно переехал в другой город, а другой, семнадцатый, к сожалению, умер. Несчастный случай. Не волнуйтесь, сэр, мы всем двадцати пяти принесли извинения от вашего имени, но предложили вернуться только пятнадцати.

– Как они отреагировали? – сразу спросил я. – Хотя не говори, глупый вопрос. Я знаю.

– Из пятнадцати, пятеро работают в других мастерских, и ни о каком возвращении даже, и слышать не хотели. Для остальных, кто без работы, а кто пристроен кое-как, на подсобках, мы дали три дня, и сказали, чтобы в пятницу, если они согласятся, пусть приедут в мастерскую к обеду. Тогда вам не надо будет ездить каждый день, а ждать дольше не имеет смысла, ведь вы мне дали две недели на открытие цеха.

– Джимми, ты – молодец, не зря я тебя взял. Огромное тебе спасибо. Тебе и Нику. А как ребята?

– Работают на полную катушку. С Феррари уже закончили, ваш совет, как всегда, оказался бесценным. И спасибо за повышение зарплаты, в других мастерских столько не платят никому.

– Джимми, прошу тебя никогда меня больше не хвалить. Не знаю как раньше, но теперь я терпеть этого не могу. Сделай мне одолжение, пожалуйста. Ринго не звонил? Не появлялся?

– Нет, не знаю, как вы с ним договорились. Но если объявится, я вам сразу же сообщу. Один вопрос. Сколько подъемников вы хотели поставить в новый цех? То есть, на сколько рабочих мест рассчитывать?

– Работы много?

– Много. Действительно много. Приходится ставить в список ожидающих.

– Тогда сколько влезет. Но, по-моему, больше семи туда не войдут. Да?

– Я смотрел. Семь, это максимум, сэр.

– Ладно, Джимми, спасибо за услугу, что всех объездили, и передали мои извинения. Держи меня в курсе, и постарайся быстрее открыть цех. Ты молодец.

– Конечно, сэр. Спасибо вам.

Я задумался. Никто, конечно, меня не простил, но есть шанс, что хоть кто-то постарается. Уже то, что за меня извинились, облегчало мою душу. Я вычеркнул из списка многих.

Неожиданно приехала полиция. Но это был сержант, по моему делу. Мы сели и вместе просмотрели весь список. Подозрения полиции падали больше всего на уволенных, поэтому, они-то и составляли большинство. Но дело заглохло.

– Сержант, – предложил я, – закройте это дело. И вам оно не надо, работы, наверное, много. И мне тоже. Здоровье не вернешь, а у вас оно точно зависнет.

Тот удивился. – То есть, вы хотели бы отказать в иске? – Удивленно, спросил он.

– Именно так. Да и вообще, специальный наезд, это только версия. Мог быть любой, самый незнакомый водитель. Сколько таких случаев. А если и было специально, судьба сама накажет его. Если надо, я напишу заявление.

Заявление я действительно написал. Лиза даже не удивилась. Она меня уже неплохо знала, и комментариев не последовало. Сержант уехал довольный, таким же остался и я. В душе.

С другим соседом мы повторили тот же вариант. Реакция была почти такая же, но немного мягче.

– Джим мне уже сказал, что у тебя крыша поехала. Так тебе и надо.

В костер сегодня полетело очень много кассет. В списке оставалось только четверо. И из них, первым, с кем я бы хотел встретиться, была мать. Лиза, боялась этих последних встреч, как огня. За меня боялась. Но откладывать я не хотел. Мы долго разговаривали, и я ее убедил, что к матери не нужен ее предварительный визит. Она жила на улице, как и Ринго. Визит откладывался на завтра. День шел к концу. Люсия уже ушла, бедная, ей пришлось попотеть не на шутку, но я ей дал аванс. Мы съездили в магазин, потом поужинали. Я никак не мог расслабиться, завтрашняя встреча была для меня крайне важна, я чувствовал себя немного потерянным, и Лиза не могла этого не заметить. Она не пришла ко мне этой ночью, и я, честно говоря, был ей в душе благодарен. К цветам меня никак не тянуло. Пол ночи я разговаривал с Мартой, то есть с ее туманом. Представлял все возможные варианты предстоящей встречи с мамой, и уснул только под утро. Да и то, после снотворного.

Глава 19. Мать

Наутро я проснулся как никогда раньше. Голова гудела, ведь предположительно я спал не более трех часов. Напряженность не спадала, а то, что мне предстояло сделать сегодня, сразу же заняло все мои мысли.

Я услышал, как поднялась Лиза, видимо, ей тоже не спалось. Моя напряженность явно передавалась ей, и я поразился, как она меня чувствовала за все последнее время. Мы встретились внизу, и обменялись поцелуями.

– Милый, ты не передумал? – с надеждой спросила она.

– Трудно будет, – вздохнул я, – но я тверд.

– Ты же мне позволишь держать тебя хотя бы в поле видимости?

– А ты не боишься? Ведь тот район не будет лучше другого. И я лично боюсь за тебя.

– Я с тобой уже ничего не боюсь, ты – какой-то заговоренный, что ли. – С хорошей точки зрения.

Я знал, что она все равно поедет, отговаривать было бесполезно.

– А ты не хочешь купить пистолет, например? Для таких случаев?

– Пистолет?! – у меня вилка из рук выпала. – Ты что, милая. Да упаси меня господь. Я верю в себя и в свою искренность, разве может что-то быть сильнее?

– Да, твоя логика, это твоя логика. Но самое интересное, что она почему-то действует.

Мы закончили с завтраком, дождались прихода Люсии и поехали. У Лизы дрожали руки, а у меня – сердце. Район был не лучше другого. Проститутки, сутенеры, наркоманы... Наконец, на нужном квартале Лиза остановилась.

– Судя по данным полиции, она живет чуть дальше, на той стороне. Видишь, там есть какой-то закуток, и коробки видны.

– Ладно, милая, запирайся и думай только позитивно. Тогда так и будет. – Я вышел из машины и ждал светофора, чтобы перейти на ту сторону. Дойдя до закутка, я увидел там только старуху в оборванной одежде. Я огляделся вокруг, но кроме нее там никого не было. Вглядевшись, я узнал в ней свою мать. Нет, не по виду, а как-то интуитивно. Она раскладывала какие-то пожитки, чтобы просохли. Очутившись рядом, я опустил на асфальт и сел. Старуха обернулась, посмотрела на меня, и, конечно, не узнала.

– Мама, – наконец вымолвил я, каким-то мертвым голосом. – Это я, твой сын, Джон.

У нее подкосились ноги, и она рухнула на асфальт. Она долго не могла прийти в себя, шурясь и вглядываясь в мое лицо.

– Сукин ты сын, – наконец злобно проговорила она. – И у тебя хватило наглости предстать передо мной почти через сорок лет? Что тебе надо, подлец? Показать мне, похвастаться, что ты жив и здоров? Сукины дети эта полиция, ведь обещали же.

– Мама, – сказал я, не обращая внимания на ругань, – я пришел извиниться. За все сорок лет. И хочу, чтобы ты знала, что я действительно был сволочью тогда, бросив тебя одну. Теперь я другой, я поменялся совсем недавно, но поменялся полностью. И пришел я только для того, чтобы встать перед тобой на колени, и просить твоего прощения. – Я действительно встал на колени, и в моих глазах появились слезы.

Она продолжала смотреть на меня, как бы изучая, но вдруг, я увидел слезы и в ее глазах. Более того, она просто неудержимо разрыдалась. Я подошел к ней, сел рядом и обнял ее за плечи.

– Не плач, мама. Просто, прости, как можешь, или хотя бы попытайся.

Вдруг она положила мне голову на грудь, и уже рыдала во всю силу. Так прошло минут десять, если не больше. Наконец, она стала затихать, и я услышал невероятное:

– Джон, не знаю, как тебя простить. Но я прошу у тебя то же самое. Прости меня. Ты был ребенком, а я – последней сучкой.

– Мама, я тебя уже давно простил, не сомневайся. Поверь мне, и давай все забудем. Ну, пожалуйста. – В моем голосе было столько мольбы и ласки, что их хватило бы на всех уволенных мною из моей мастерской.

Она опять начала плакать, и я тоже. Вот так, сидя рядом, мы плакали оба. Но всему есть конец, и слезы стали высыхать.

– Джон, я никогда бы не поверила, что смогла бы тебя простить. Но я не могу не сделать этого. Ты – мой единственный сын, и мое сердце сдалось. И, спасибо за твое прощение.

Дальше стало легче разговаривать.

– Мама, у меня большой дом. Давай, ты переедешь ко мне, – уговаривал я. – Не те уже годы, чтобы жить на улице.

– Ни за что! – ее голос был категоричен и не принимал никаких возражений. – Я – пьющая, у меня есть друзья, такие же, как и я сама. Не пойду. Пойми меня, не смогу. – Есть тут в районе небольшой дом для престарелых. Многие туда ушли, но он платный.

Я понял, что убедить ее мне не удастся, но вариант с домом престарелых мне понравился. По крайней мере, она там будет сыта и в тепле. А я буду ее навещать. Я достал свою визитную карточку, даже две. Одну я дал ей в руки, а вторую засунул ей в карман.

– Можешь идти туда хоть сейчас, – сказал я, – тут все мои данные, пусть присылают мне счета, и я их буду сразу оплачивать.

Она посмотрела на меня облегченно и ласково.

– Спасибо Джон, спасибо сынок. Только не сегодня. Не знаю, сколько дней я буду пить. Извини, но с этим я не завязала. Но ты не бойся, в том доме для престарелых все такие же. И он не дорогой. Просто у меня и вправду нет денег. Ты не оставишь мне хоть что-то? Мне надо забыться хоть на день, ты меня просто подкосил.

Я понял, что этого не избежать. Она никогда уже не бросит пить. Я достал кошелек и вынул сотку.

– Мама, если я тебе оставлю больше, ты можешь помереть от спиртного. А этого тебе хватит как минимум дня на три.

– Да конечно! – Обрадовалась она. – Если не на неделю. И знай, я буду пить за тебя. Вернее за нас.

Я нагнулся и поцеловал ее. В этот момент, у меня с души свалился, наверное, самый огромный валун. Но опять наступали слезы и, развернувшись, я пошел обратно.

Уже издали я увидел у Лизиной машины какую-то толпу. Сердце сжалось, что-то случилось, и я бросился туда. Перебежав улицу, я столкнулся с толпой малолеток, среди которых были и постарше. Их было человек двадцать, или чуть меньше, и все они еле стояли на ногах. Но запаха алкоголя я не уловил, значит, они были просто обкуренные. Какими-то битками, они лупили по всем стеклам, а Лиза, пыталась дрожащими руками набрать номер, но ей это не удавалось. Некоторые пытались раскачивать машину, что бы ее перевернуть. Я ринулся в самую гущу. Весь асфальт был уже покрыт осколками стекол.

– Стойте! – закричал я, – что вы делаете! Я дам вам денег, только остановитесь. – У моего уха что-то просвистело, и я понял. Кто-то хотел ударить битой мне по голове, но промахнулся. Это было стадо, которое ничего не понимало, и даже не слушало. Какие-то руки подхватили меня и бросили на капот. К сожалению и досаде, я ничего не мог сделать, даже что-нибудь сказать. У меня появился страх за Лизу. Я понимал, что они добьют и машину, и нас с ней обоих. Полицейские в таких районах были редкостью, и никаких шансов не оставалось. – Ну, вот он и конец, – подумал я. – Марта, мы скоро увидимся опять. Только я, к сожалению, буду уже не один. – Я получил битой по голове, но не отключился.

Вдруг, где-то совсем рядом, я услышал визг тормозов. Голова кружилась, и я плохо видел. Кто-то вышел, и начал раскидывать эту кучу наркоманов. И кто-то еще ему помогал. – Полиция, – мелькнуло у меня в голове, – неужели!

Но, утихомирить такую толпу было не просто. Когда я, наконец, спустился с капота, то не поверил своим глазам. Почти все лежали на асфальте, а огромный верзила, с уже окровавленной рукой, добивал остальных. Ему помогал паренек, наверное, его сын. У него в руках была бита, и он не плохо с ней справлялся. Наконец все закончилось, и у меня отвалилась челюсть. Это был тот же верзила из парка, которого я отпустил, вернее полиция, по моей просьбе, и тот же пацан, его сын. Лиза была в порядке, то есть они не успели ее достать, и она уже завела мотор. Машину можно было уже просто отвезти на свалку, но она сама прекрасно работала. Без стекол, без фар, вся искореженная и разбитая до неузнаваемости, она работала.

– Не люблю долгов, приятель, – сказал мне верзила и пошел к своей тачке. – Только не вызывай копов, и не вмешивай сюда мое имя.

– Ты был прав, – добавил его сынок, – лучше мочить таких, чем ломать кусты. Гораздо интереснее, – и он побежал догонять отца.

Ни одна дверца не открывалась, и я залез на свое место просто через лобовое стекло, которого уже и в помине не было. Машина рванула к центру. Лиза была бледнее бледного. У нее тряслись руки, из глаз текли слезы, но она держала себя в руках. Через полчаса мы были уже дома, и быстро загнали машину вовнутрь.

Только войдя в дом, она не выдержала, упала на диван и разрыдалась. Я не мешал, а просто сел рядом. Почему-то в этот момент я думал о матери. То, что случилось потом, было второстепенным.

Наконец мы оба успокоились. Лиза, почему-то, не отрываясь, смотрела мне в глаза.

– Джон, ты действительно не из мира сего. Нет, я говорю не про ангелов, которые тебя всегда охраняют, к ним я уже привыкла. Я имею ввиду верзилу. Я уже не верю в случайности, особенно связанных с тобой. То, что ты сделал ему тогда, из-за чего на тебя злилась полиция и Гарри, спасло нам жизнь. Как это можно понять? Я не знаю.

– Успокойся милая, – обнял я ее, – просто сбываются заповеди Марты. НЕ НАВРЕДИ И ТО, ЧТО ТЫ ДАШЬ, ТО И ПОЛУЧИШЬ, или что-то этого типа. Я тут абсолютно ни при чем. То есть, я только поверил ей. А вот то, что он оказался в нужное нам время и в нужном месте, это и для меня загадка. Может быть ты права, насчет ангелов. Хотя я знаю только одного, тебя.

– Я тут вообще... Нет, Джон. Это – твои ангелы. Они такие же хорошие, как и ты. Может, и у меня будут когда-нибудь такие же, но до тебя мне еще так далеко.

– Давай забудем. Завтра позвонишь в страховку, и они заберут машину. Скажешь, что оставила на стоянке, в плохом районе, а когда вернулась – она уже была такая. И никого рядом не было.

– А разве врать хорошо? – Как-то странно спросила она меня.

– Наверное, нет. Но незачем впутывать наших спасителей. А остальные, хоть пока, но останутся на свободе. Может они и не плохие ребята, но наркота их свела с ума.

– Ты даже их защищаешь! – Возмутилась Лиза. – Хотя да, это твой подход. А в результатах я убедилась своими глазами.

– Милая, – сказал я, – забудь обо всем. Мать меня простила, представляешь? И даже, попросила у меня прощения. До сих пор не могу в это поверить. Вот это – настоящее чудо!

– Я рада, Джон, я действительно рада, – впервые улыбнулась та. – Только это – как раз и не чудо. Она – твоя мать, и останется ею до конца. И, мои надежды сбылись, почему-то я в это верила, хотя ничего тебе не говорила. Сжечь пленку?

– Да, прямо сейчас. И дай мне видеть, как она сгорает, пока не превратится в пепел. Это для меня очень важно.

Я развел на участке костер, и внимательно следил, как коптил и на глазах исчезал пластик кассеты вместе с пленкой. Я очнулся только тогда, когда все было кончено.

– Она не захотела ко мне домой, как я ее не уговаривал. Но я пристроил ее в дом престарелых и буду за нее платить. Моя душа спокойна.

– Я не ожидала другого. Ты был, есть и будешь святым, – сказала Лиза. – С того момента, как я тебя узнала, и пока смерть не разлучит нас.

– Брось, милая. А вот насчет смерти, это для меня вопрос. Есть ли она? Я же умер, но попал в другой, прекрасный мир, даже имея за собой такую гору грехов! И вернулся оттуда. Где же была эта смерть? Только на экране мониторов в операционной? В худшем случае, в качестве сувенира я оставил бы в той же операционной мое бречное тело. Там, по словам Марты, я его уже не имел. Но я же был там! Значит, тело не так уж и важно.

– Джон, ты во многом прав, но это второй вопрос, за который мы возьмемся уже с профессором, когда закончим с первым. Давай пока не будем делать выводы.

– Давай, – согласился я. – А не поехать ли нам в какой-нибудь вегетарианский ресторан? Я никогда еще тебя не приглашал в ресторан, даже в кафе. И тебе не надо будет сейчас ничего готовить. Пойдет? – улыбнулся я.

Она просто улыбнулась мне в ответ. – Я люблю тебя, милый.

Мы поехали на моем Форде, но Лиза сидела за рулем. Ресторан был хороший, чистый и уютный. Видимо до нас, за предоставленным столиком кто-то обедал или ужинал, потому, что я случайно задел ногой какой-то пакет. Вытащив его, я заглянул вовнутрь и увидел пачки долларов. Не успела Лиза опомниться, как я уже подозвал хозяина, отдал пакет, и попросил его разыскать хозяина денег и вернуть их ему. Хозяин, официанты, да и сама Лиза, смотрели на меня как на какое-то странное существо, инопланетянина или душевнобольного. Хотя у Лизы это было в глазах всего несколько секунд. А я был доволен, что потерявший, в конце концов, получит свою пропажу, и уже не будет таким рассеянным.

Ужин прошел великолепно, но в конце, когда я попросил счет, тот же хозяин подошел к нашему столику, и, не принимая моих возражений, заявил, что мы – чудесная пара, и наш ужин – за счет заведения.

Я от души поблагодарил его и пожал руки всех официантов. Лиза просто молчала.

– Джон, – мне нечего сказать, – промолвила она уже в машине. Да и словами это не скажешь, а обычным разумом – не поймешь. Я действительно тебя очень люблю.

– Какой хороший хозяин! Вот так, просто захотел и сделал нам приятно.

– Джон, ты так далек от действительности! Конечно, при стольких свидетелях он не сможет не вернуть деньги, но какое вознаграждение он за это получит! В десять раз больше стоимости нашего ужина.

– Милая, не думай так плохо о людях.

Ночью, мы срезали такой прекрасный букет, который не стыдно было бы даже поставить королеве Великобритании на праздничный стол. Красоте, чего угодно, но особенно цветов, действительно не было предела. Каждый букет был лучше и своеобразнее другого. Название цветов менялись, но не их красота. И мы оба были счастливы.

Глава 20. Жена

Утром, мы проснулись и встали вместе. Я знал, что мне предстоит сделать сегодня. Это казалось немного менее важным вчерашнего, но и не менее трудным. Вопрос был в том, ехать ли мне напрямую, или позволить Лизе предварительную подготовку. Судя по данным полиции, она была замужем. Были ли у нее дети или нет, в досье не было ничего сказано.

– Джон, – сказала Лиза, – не знаю как, и почему, но в последнее время я надеюсь больше на твою интуицию, чем на мой разум.

– Как раз сегодня у меня ее и нет, – грустно сказал я. – Но это не значит что я, или мы, отложим эту встречу. Может, просто бросить монету?

– Давай, – удивилась она, – только бросай ты, а потом мне скажешь, что получилось. У меня такое предчувствие, что только тебе она скажет правду.

– Тогда дай мне еще раз прослушать пленку. – Неожиданно для себя попросил я.

Я вслушивался в каждое слово и пытался по интонации почувствовать и понять. Потом, бросил монету. Надо было идти самому. Мне стало как-то легче, я верил, что получил верную подсказку, хотя и не знал от кого именно.

– Я пойду один, – наконец, вымолвил я. – А там, что будет.

– Но я же поеду с тобой?

– А куда я денусь, – улыбнулся я. – Если мы – единое целое, то должны быть им всегда и везде. Хотя это абсолютно не значит, что ты или я не должны быть полностью свободны в своем выборе, высказываниях, мыслях и даже в сердце.

На том мы и порешили. Ехали мы в моем Форде. Ее дом был не очень далеко, и район был неплохой, хотя хорошим его тоже трудно было назвать. Наконец, Лиза остановилась на нужном квартале.

– Милая, – вдруг мелькнула у меня мысль, – а не пойти бы нам просто вдвоем?

Я – за, хотя такого эксперимента у нас еще не было. – Мы заперли машину и двинулись в сторону дома. Он был небольшим, но ухоженным. Какое-то чувство бедности все же проскальзывало.

Я нажал на звонок.

Открылась дверь, и у меня упало сердце. На меня смотрела Сандра, в простом домашнем халате. Вернее, она оглядывала нас обоих.

– Сандра, – начал я, – можно с тобой поговорить? Я тебя не задержу.

– Боже! – вырвалось у нее. – Джон!

– Он самый, но поверь, абсолютно не такой как прежде. Мне нужно хоть пару минут.

Она смотрела на меня, но ничего не говорила. Да, мы оба крайне изменились внешне.

– Пожалуйста, – с надеждой попросил я ее.

– Джон, зачем? – она растерялась. Странно, но такого вот конкретного чувства ненависти, я почему-то не чувствовал, хотя ее энергия была явно негативна, по отношению ко мне.

Вдруг, я упал на колени.

– Сандра, дай мне только две минуты, и я клянусь, что больше ты меня не увидишь никогда. Клянусь при ней, – и я повернул голову в сторону Лизы.

– Встань, Джон. – Попросила она, – я никогда в жизни не видела тебя в такой странной позе, даже когда выходила за тебя замуж. – Она задумалась, но не ушла и дверь не закрывала. – Ладно, – выдавила она, но только в присутствии моего мужа, он должен вернуться через полчаса. Его опять уволили, и он пошел выбивать хоть какое-то пособие. Вы же сможете подождать на улице?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.